

КАК ПРЕЖДЕ,
НО ЛУЧШЕ, ЧЕМ
ПРЕЖДЕ

Комедия в трех действиях

Перевод
И. СОКОЛОВОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фульвия Джелли (она же Флора
и Франческа).
Сильвио Джелли, ее муж.
Ливия, их дочь.
Марко Маури.
Эрнестина Галиффи, тетка Фульвии.
Бетта, старая гувернантка.
Дон Камилло Дзонки.
Вдова Наккери.
Джудитта, ее дочь.
Роги, почтальон.
Синьор Чезарино, органист и учитель музыки.
Синьора Варберина, его жена.
Джованни, садовник.
Приказчик.
Няня.

Время действия — наши дни. Первое действие — в Вальдикиане,
второе и третье — на вилле вблизи озера Комо.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в пансионате Дзонки; обширная комната в старом доме, новой штукатурке не удается замаскировать следы ветхости. Сквозь большую стеклянную дверь видна лестница, ведущая на террасу со старой зеленой балюстрадой. Весь фон сцены, за исключением этой балюстрады, ярко-голубой, потому что дом стоит на холме и с террасы открывается широко вид на равнину и проезжую дорогу, у подножья холма.

Если стеклянная дверь закрыта, то описанного фона не видно, так как на двери висит новая голубая занавеска из грубого материала, приколотенная к раме.

В гостиной обычная старомодная мебель провинциальных пансионатов, расставленная со щепетильной симметрией. Фаянсовая печь, старинный диван, такие же мягкие кресла и стулья, украшенные подушками и вышивками домашней работы. Старинное трюмо в золоченой раме, зеркало которого закрыто голубой кисеей от мух, вазочки с бумажными цветами, горка с фарфоровыми безделушками. На стенах — немного потемневшие банальные олеографии и часы, которые отбивают каждые полчаса; их бой напоминает отдаленный церковный звон.

Из гостиной два выхода — справа и слева.

Ясное утро. Конец апреля.

При поднятии занавеса на сцене Дон Камилло Дзонки, почтальон Роги, вдова Наккерп и со дочь. Последние две стоят на террасе и глядят в сторону долины. Вдова смотрит в бинокль, дочь — заслоняясь от солнца рукой. Они следят за дорогой, которая поднимается на холм, — не покажутся ли экипажи, возвращающиеся со станции. Дон Камилло и Роги находятся в зале. Дон Камилло сидит на диване, Роги стоит. Вдове Наккерп лет пятьдесят; она носит забавный паричок из мелких кудряшек, который спускается на лоб. Ее худое угловатое лицо с ввалившимися глазами без ресниц, напудренное и грубо раскрашенное, производит отталкивающее впечатление. Роги стоит. Она одета слишком молодо для своих лет, затянута, отчего кажется еще безобразнее и смешнее; говорит отрывисто и повелительно с зятем, брезгливо с дочерью, которой завидует; ко всем другим обращается с томным величием разорившейся

дамы. Дочери ее Джудитте двадцать восемь лет. Она брошена мужем, скромна и мечтательна; волосы каптановые, лицо бледное, испитое. Она имеет вид сироты, которую приютити из милости. Дон Камилло Дзонки — пятьдесят четыре года. Местный приходский священник и школьный учитель. Это нервный и раздражительный человек, со злыми маленькими глазками в очках. Он перепосит пренебрежительное отношение невестки, застыя в постыдной приниженности. Он хозяин пансионата, но ведет себя скорее как жилец Паккери, предоставляя ей право заведовать пансионом. Дон Камилло без сутань, в длинной блузе из черной саржи с белым воротничком священника, в коротких брюках, длинных шерстяных чулках и в башмаках с пряжкой. Почтальон Роги — человек лет сорока, тучный, мрачный, небритый много дней; носит охотничью куртку, старый белый картуз, грубые деревенские сапоги со шнорами.

Дон Камилло (*в ожидании смотрит на дорогу, затем обращается к двум женщинам*). Ничего не видеть, а?

Роги (*немного помолчав*). Еще слишком рано.

Дон Камилло (*раздраженный, не получая ответа*). Эй, Джудитта! Я тебя, кажется, спрашиваю?

Паккери (*появляясь в дверях, злобно, язвительно*). Мне кажется, что если кто-нибудь из нас мог бы видеть, то, во всяком случае, — я, а не Джудитта, и спросить следовало бы меня, потому что я (*показывает большой бинокль*) смотрю в это и вижу лучше, чем она.

Дон Камилло. Не сердитесь, Марианна. Даже и с этим (*надевает очки*) я все-таки вижу хуже, чем синьор Роги.

Роги. О да, благодарение богу, мои глаза...

Паккери. И мои не плохи, синьор Роги, и мои! Я не нуждаюсь в очках, я читаю без очков, работаю без очков и вижу многое такое, что только господь знает, следовало ли бы мне видеть!

Дон Камилло. Полно, Марианна, мы говорим все не о том, что вам следует видеть и что не следует, а о колясках, которые должны вернуться со станции.

Джудитта (*продолжая наблюдать*). Вот она, вот она! Уже едут две, но они едут вниз.

Паккери выбегает на террасу и смотрит в бинокль.

Дон Камилло. Вниз? Как — вниз? Не может быть!

Джудитта. Да, вот еще одна коляска Додо.

Наккери. Что ты мелешь, какой там Додо? Коляска Додо первая!

Джудитта. Да нет, мама, посмотрите же хорошенько — третья.

Наккери. Первая!

Дон Камилло. Не все ли равно — первая или третья, раз они едут вниз...

Наккери (*поворачивается к зятю, язвительно*). А я говорю, что первая.

Рози. Мне кажется, что трудно различить что-нибудь на таком расстоянии. Отсюда они кажутся такими маленькими-маленькими. (*Показывает на свой палец.*) А что касается Додо, то, извините меня, синьора Марианна, я видел, как он выехал последним.

Наккери. Это ничего не значит. У Додо такая лошадь — постоянный дьявол, хуже его самого. Хоть и последней выедет, а приедет всегда первой.

Джудитта (*матери, продолжая смотреть вдаль*). Смотрите, смотрите! Он уже перегнал вторую коляску и нагоняет первую, значит, это он!

Наккери пожимает плечами и входит в гостиную.

Дон Камилло. Не понимаю, почему они сегодня запаздывают. Обыкновенно в это время...

Часы бьют одиннадцать.

в одиннадцать часов они уже подъезжали и их можно было видеть на втором повороте дороги. Кстати, Джудитта (*останавливается в смущении и старается его подавить*), скажи мне...

Наккери (*со злобой, язвительно*). Джудитта! Беги скорей сюда, да поторавливайся! Твой дядюшка желает что-то спросить тебя!

Дон Камилло. Ничего, ничего... я хотел только сказать (*старается сделать непроницаемое лицо*), я хотел только спросить об одном, да, да, именно не вас, а се!

Наккери (*вызывающе*). Ну что же, спрашивайте, послушаем.

Дон Камилло (*к Рози*). Я посоветовал профессору, когда он будет возвращаться, остановить коляску

внизу, у нашего сада, а самому идти напрямик через сад. А коляска пускай себе едет кругом по дороге.

Наккери. Ну, а дальше?

Дон Камилло. Вот я и хотел спросить Джудитту, не забыла ли она открыть калитку внизу.

Наккери. Только и всего? *(Поворачиваясь к дочери, которая стоит смущенно в стороне.)* Ну, отвечай же своему дядюшке, не забыла ли ты об этом.

Джудитта *(не глядя на нее, с досадой)*. Конечно, не забыла.

Наккери *(с ироническим поклоном в сторону зятя, как бы отвечая за свою дочь)*. Калитка открыта. — Приказ дядюшки! Как же можно забыть его? Разве она когда-нибудь слушалась так своего мужа? Слушайся она его, как своего дядюшку, не сидела бы эта дура у меня на шее — ни девка, ни баба.

Роги. Дон Камилло, а вы уверены в том, что профессор вернется сегодня? Мне не хотелось бы ждать его понапрасну.

Дон Камилло. Ну, конечно, вернется, вернется наверное.

Наккери. Хотела бы я посмотреть, как это он не вернулся бы? Осточертело мне все это!

Дон Камилло. Побойтесь бога, Марианна!

Наккери. Осточертело, осточертело, осточертело!

Дон Камилло. Не беспокойтесь, пожалуйста, он вернется. Но мне кажется, дорогой Роги, очень сомнительным, почти невозможным, чтобы он принял ваше приглашение.

Роги. Неужели он откажется поехать взглянуть на больную!

Дон Камилло. Хотя бы даже и взглянуть!

Роги. Мне хотелось бы, чтоб он только взглянул на мою бедную девочку!

Дон Камилло. А какой толк в том, что он поедет и посмотрит на нее. Он же вам сказал, что нужна операция.

Роги. Если б он только согласился, я бы отвез его на автомобиле.

Джудитта. Я уверена, что он не откажет; он — сама доброта.

Дон Камилло. Да. Но он не может, понимаете, после чуда, которое случилось здесь...

Наккери (*перебивая его*). Как раз именно здесь надо было случиться этому чуду!

Дон Камилло (*бросая злобный взгляд на свою невестку и как будто не обращая внимания на ее вмешательство*). Если эта слава о нем распространится, его начнут просто рвать на части...

Роги. Но если он вчера мог поехать в Сартеано, почему же ему не поехать сегодня ко мне?

Дон Камилло. Я же говорю вам, что это невозможно! У него по меньшей мере двадцать вызовов!

Наккери. Не доставало бы еще, чтобы из жалости к другим он засел у нас тут еще на второй месяц!

Дон Камилло. В Мерате у него осталась дочь, у него там свои дела. Он приезжал тогда с намерением остаться только на один день...

Наккери. А застрял на целых сорок пять!

Джудитта. Кажется, что дочь его еще ничего не знает.

Роги. О чем? О матери?

Дон Камилло (*подмигивая и указывая рукой на дверь налево*). Тише, тише! Она уже встала. (*Таинственно к Роги.*) Подумайте, дорогой Роги! Как мы тут все с ума не сошли! Просто не понимаю!

Роги. Из-за этого судья?

Дон Камилло (*раздраженно*). Какой тут судья, какой тут судья! Не говорите мне о нем, ради бога!

Джудитта (*мягко и печально*). Сумасшедший, одно слово!

Дон Камилло (*прерывая ее*). Которого следовало бы связать.

Джудитта (*жалобно*). Сколько мы из-за него перетерпели.

Дон Камилло (*раздраженно и желчно, опять прерывая ее*). Черт! Тысяча чертей! Вспомнить о нем не могу!

Наккери (*которая все время наблюдала за дядей и племянницей*). Внимание, синьор Роги, внимание! Послушайте только, как говорят эти двое!

Дон Камилло. Что значит «говорят»?

Наккери. Одна так нежно, жалобно. (*Подражая голосу Джудитты, гнусаво.*) «Сколько мы перетерпели!», а он, вспыхнув, как плом-пуддинг: «Черт! Тысяча чертей!»

Рогги (*не может удержаться от смеха*). Вам все хочется шутить, синьора Марианна!

Дон Камилло. Не ко времени! Разве я неправ, что в это дело замешан черт!

Наккери. А разве это прилично, чтобы черт заводился в доме такого священника, как вы! Сущее землетрясение, говорю я вам! И поверьте мне, синьор Рогги, как бы я потешалась, если бы здесь оно встряхнуло хорошенько и дядюшку и племянницу, лишь бы мне самой целой остаться!

Дон Камилло. Если б можно было все предвидеть!

Наккери. Не велика заслуга раздумывать задним числом.

Дон Камилло. По кому же могло прийти в голову, что муж приедет сюда?

Наккери. Вам, конечно, потому что вы ведь сами вызвали его.

Дон Камилло. Нет, господа, ничего подобного. Я написал в Мерате, исполняя свой долг священника, как только принял ее исповедь.

Рогги. После того как синьора пыталась застрелиться?

Дон Камилло. Вот именно. Она пожелала исповедаться, чтобы умереть примиренной со всеми. Через меня она просила прощения у мужа. И профессор мог бы ответить мне письмом на мое письмо. Но нет, господа, по доброте своей он предпочел приехать сюда, чтобы лично простить ее.

Рогги. И встретил здесь того, другого?

Дон Камилло. Который как снег на голову свалился на Перуджи несколько часов спустя, после того, как синьора стрелялась. В первые минуты был такой переполох, что мы даже и не заметили, как он вошел.

Джудитта. Мы даже не знали, кто эта дама.

Дон Камилло. Мы обратили на него внимание только тогда, когда он стоял у ее кровати и рыдал, рыдал, как безумный.

Рогг. Значит, любовник?

Наккери. Любовник, любовник. Но какой любовник? Один из многих. Последний!

Рогг. А почему же синьора, позвольте спросить, решила покопчить с собой?

Наккери. Ну да, знаем мы эти штучки!

Джудитта. Умоляю вас, тише, тише!

Наккери. Скажите пожалуйста, что за нежности! Нечего разводить тут столько церемоний с такой...

Дон Камилло. Прошу вас, хотя бы из уважения к профессору!

Наккери. Вы хлопнете, чтоб он вам побольше заплатил! А за все беспокойства в течение этих двух месяцев — кто нам заплатит?

Дон Камилло. О, стоит ли об этом говорить! *(Потом лицемерно к Рогг.)* Синьора тринадцать лет назад покинула домашний очаг и... *(Останавливается, опуская глаза, делая снисходительный жест.)*

Наккери *(передразнивая сокрушенную мину своего зятя)*. И... и... *(Порывисто обрывая.)* Скажите пожалуйста! Здесь всем хочется погрешить, дорогой мой, рассчитывая на снисхождение и долготерпение божие, надеясь, что ответ мы будем держать там, а что касается нас, смертных, то на наше мнение плюют, уверяю вас!

Дон Камилло. Но это неправда!

Наккери *(продолжая в том же духе)*. Вальдикна-на велика. В ней много папсионов для гостей, приезжающих лечиться на водах. Не на одном моем папсионе свет клином сошелся. Так вот же, как нарочно, именно ко мне должна была приехать эта дама, и это по вашей вине, синьор *(указывает на священника)*, да и по ее тоже. *(Указывает на дочь.)*

Джудитта. Ну вот. Я всегда виновата во всем.

Наккери. Виновата потому, что каждое слово твоего дядюшки принимаешь за евангельскую истину, и в конце концов все напасти обрушиваются на мою голову. Ну, да уж больше меня не проведете! Довольно вы меня морочили!

Дон Камилло. Я видел, как она подъехала вечером в коляске; как раз Додо привез ее. Я тогда возвра-

пался из школы. Она ехала одна-одинешенька, такая грустная-грустная, с одним чемоданчиком.

Наккери. К несчастью, меня тогда не было дома.

Джудитта. Но мы же ей сказали, мама, что пансион еще не открыт для приезжающих.

Наккери. Не надо было ее совсем пускать.

Дон Камилло. Как? Не пустить ночью одинокую даму? Она так просила, умоляла позволить ей только переночевать.

Джудитта (*всплескивая руками*). А ночью...

Наккери. А ночью, среди полной тишины — вдруг выстрел. Дорогие мои, я подскочила на вершок от кровати.

Рогги. И она попала прямо в живот?

Дон Камилло. Но она целила в сердце...

Наккери. Вы так думаете?

Дон Камилло. Конечно. Не забывайте, что она женщина. Когда она нажала курок, рука дрогнула, и она попала в живот.

Джудитта. Мы сбежались все. Бедняжка, она лежала на кровати...

Наккери. Нечего сказать, бедняжка!

Рогги. Что вы, конечно, бедняжка! В таком тяжелом состоянии...

Дон Камилло. Бледная, как полотно. И она улыбалась еще, как бы умоляя о прощении, и говорила, что все это пустяки... Она (*указывая на Джудитту*) побежала за врачом.

Рогги. За доктором Балла?

Дон Камилло. Вы знаете, какой он!

Рогги. Как мне не знать? Из-за него-то и погибает теперь моя бедная девочка!

Дон Камилло. И тут он, конечно, объявил, что ничем помочь нельзя. Когда же приехал профессор, он сказал, что если бы операция была произведена вовремя, она была бы вне опасности; теперь же, когда ему пришлось сделать операцию через четыре дня, после того как уже началось воспаление, он не может ручаться за исход.

Джудитта. А этот сумасшедший приехал и не позволял делать операцию!

Р о г и. Ах да, любовник! Он не хотел, конечно, чтобы ее оперировали муж.

Д о н К а м и л л о. Он был как бесноватый! Собирались унести ее на руках, только бы не дать мужу дотрогнуться до нее.

Р о г и. Ну и дела!

Д о н К а м и л л о. Он кричал, что, если муж ее спасет, она будет потеряна для него.

Д ж у д и т т а. Он желал ей смерти!

Р о г и. А муж? Каково ему было видеть любовника своей жены, да еще около нее!

Д о н К а м и л л о. Он рассердился на меня.

Н а к к е р и. И за дело!

Д о н К а м и л л о. Как будто бы я не сделал все от меня зависящее, чтобы выпроводить этого сумасшедшего до приезда профессора. Но он ничего и слышать не хотел, даже после того как приехал тот, который все же был ее законным мужем.

Джудитта при этих словах идет снова на то же место, где стояла раньше, чтобы посмотреть, не едет ли коляска.

Н а к к е р и. А вы посмотрели бы, как они встретились!

Р о г и. Могу себе представить!

Д о н К а м и л л о. Под предлогом, понимаете, что перед смертью не может быть ревности и что после всего того, что произошло за эти тринадцать лет, муж не может больше питать злобы против него... Однако пришлось вывести его с полицией.

Д ж у д и т т а (*с террасы*). Вот, вот, возвращаются коляски!

Наккери убегает как гусыня.

Д о н К а м и л л о. Наконец-то!

Д ж у д и т т а (*с криком ужаса*). Это он, опять он!

Р о г и. Кто?

Д о н К а м и л л о. Как, этот сумасшедший? Он опять приехал?

Н а к к е р и. Он, он! Снова объявился!

Д о н К а м и л л о. Как же теперь быть? Ведь муж вот-вот приедет!

Джудитта (*убегая в испуге*). Он бежит сюда! Перескочил через садовую ограду!

Роги. Какая наглость!

Дон Камилло. И снова в отсутствие господина профессора! Не дай боже, попадется ему на глаза!

Наккери. И какой он возбужденный, как размахивает руками! Вот так, вот так! (*Показывает.*)

Дон Камилло. Помогите нам, ради бога, дорогой Роги. Его нельзя пускать сюда, к синьоре. Уйдемте, уйдемте все отсюда. (*Указывает влево и идет туда, подталкивая других.*) Закроем эту дверь, закроем эту дверь! (*Закрывает стеклянную дверь, уходя с Наккери, Роги и Джудиттой.*)

Почти одновременно открывается дверь справа и входит неуверенной походкой Фульвия Джелли. Она очень бледна, как человек только что подвыпивший с одра смерти. В глазах ее лихорадочный огонь, на лице застыло выражение мрачного отчаяния. Приехав сюда с намерением умереть, она не привезла с собой никаких вещей и потому одета в свой дорожный костюм, представляющий кричащий контраст с беспроектным отчаянием на ее лице.

Еще больше дисгармонируют с выражением ее лица чудесные, окрашенные в ярко-рыжий цвет волосы, в беспорядке обрамляющие бледное лицо. Лиф на груди расстегнут, точно она не имела сил застегнуть его. Фульвия, по-видимому, с ненавистью относится к своей красоте, как к чему-то, что уже давно не принадлежит ей, и мысль о том, что ее прекрасное тело служило источником наслаждения, вызывает в ней холодное отвращение. Фульвия делает несколько шагов по направлению к стеклянной двери, откуда доносятся возбужденные голоса двух женщин, донна Камилло и Роги, которые стараются загородить дорогу Марко Маури. Но он врезанным толчком отбрасывает всех, распахивает дверь, подбегает к Фульвии, которую он называет Флорой, и неистово сжимает ее в своих объятиях. Маури — мужчина лет сорока, худощавый брюнет. Глаза у него беспокойно воспалены, как у человека, страдающего бессонницей, но вместе с тем они очень выразительны и горят каким-то восторгом. У него выпуклый лоб, черные, с проседью на висках, вьющиеся волосы, расчесанные на пробор. Густые черные брови. Говорит и жестиккулирует он с известной театральностью, которая свойственна человеку экзальтированному, но театральность эта не лишена горячности и искренности. Временами он сам замечает ее и тогда начинает сердиться на себя и переходит на интимные, мягкие ноты; так как переходы эти бывают неожиданны, они составляют контраст с его прежним настроением и производят странное впечатление, располагающее к нему.

Фульвия сначала с ненавистью отталкивает его, но потом, задыхаясь от его страстных ласк и от волнения, обессиленная только что перенесенной болезнью, почти без чувств падает ему на руки.

Маури (*бросаясь к Фульвии и обнимая ее*). Флора! Флора моя! Флора! Флора! Я свободен! Свободен! Я вернулся к тебе! Я свободен, свободен от всех, от всего! (*Замечая, что она без чувств падает ему на руки, кричит.*) Флора моя!

Дон Камилло, Роги, Наккери, Джудитта, вошедшие след за Маури, бросаются к нему с угрозами и кричат, перебивая друг друга.

Роги. Да разве вы не видите, черт вас возьми, что ей дурно!

Дон Камилло. Что это за насилие!

Джудитта. Опа в обмороке, она в обмороке!

Маури. В обмороке? Нет, нет! — Флора!

Дон Камилло (*угрожающе*). Оставьте ее! Оставьте и убирайтесь вон отсюда, сейчас же!

Маури (*не обращая на них внимания, поддерживая Фульвию*). Флора моя... Флора!.. Флора!..

Дон Камилло (*к женщинам*). Да отнимите же вы ее у него!

Джудитта и Наккери приближаются к Маури.

Джудитта. Отпустите ее... отпустите ее.

Маури (*кричит угрожающе*). Не смейте к ней прикасаться!

Дон Камилло. Какое вы имете право!

Маури. Опа моя! Моя!

Дон Камилло. Ну уж нет, сеньор! Здесь есть муж!

Маури. Пускай приходит! Где он? Пускай вырвет ее у меня из рук, если посмеет!

Роги (*видя, что Фульвия потеряла сознание*). Положите же ее по крайней мере на диван!

Джудитта (*подбегает и помогает ему поддерживать Фульвию*). Сюда, сюда, я помогу вам!

Маури (*переносит Фульвию на диван*). Ничего, ничего! Она уже приходит в себя.

Джудитта. Я побегу, принесу флакон с солью. (*Бежит налево, вскоре, возвращается с солью.*)

Наккери (*зятю*). Вы-то чего смотрите? Разве вы не хозяин здесь?

Роги (*к Камилло*). Ведь это, в конце концов, ваш дом!

Маури (*выпрямляясь, с горящими глазами, кричит с ударением на каждом слове*). Нет, синьор! Это гостиница!

Дон Камилло (*с раздражением*). Как? Что? Когда? Кто вам сказал, что это гостиница? Где это написано?

Маури. Впизу на двери: «Папснопат Дзонки».

Дон Камилло. Да, синьор, по только летом! Теперь у нас не сезон, понимаете. А сейчас это мой дом, я имею право принимать здесь кого мне угодно.

Маури (*кричит*). Не смейте так кричать!

Дон Камилло (*ошеломленный*). Скажите пожалуйста, это я-то кричу!

Маури. Кричите или не кричите — я все равно не уйду отсюда!

Дон Камилло. Нет, вы уйдете, вы уйдете, потому что...

Наккери (*перебивая его, кончает фразу*). ...потому что это не ваш дом!

Дон Камилло (*продолжая*). И потому что вам тут делать печего! Яспо?

Маури (*вместо ответа наклоняется к Фульвии и дает ей нюхать флакон с солью, принесенный Джудиттой. Джудитте*). Дайте сюда, дайте еще...

Дон Камилло (*к Роги*). Полюбуйтесь-ка на него, пожалуйста!

Маури (*склонившись над Фульвией*). Флора моя! Я здесь... Встань... Ты вздохнула. Тебе лучше... а я, я свободен! Ты слынишь! И я увезу тебя отсюда!

Дон Камилло (*решительно подвигаясь вперед*). Вот уж нет! Можете быть уверенным, что вы отсюда никого не увезете!

Маури. Не вы ли мне помешаете?

Роги (*выступая вперед*). Могу помешать и я в случае надобности.

Дон Камилло. Это излишне, мой милый Роги, потому что через несколько минут здесь будет муж.

Маури. Я и приехал для того, чтобы встретиться с ним.

Дон Камилло. Он вас снова велит выбросить воп!

Маури. Ну, это мы еще посмотрим! — Не из-за него хотела покончить с собой эта женщина! — Из-за меня! Из-за меня!.. А я, я для нее, я, Марко Маури, я бросил свое положение, свою семью, свою жену, своих детей! (*Оглядывая всех, потом к Роги.*) Посмотрим, возможно ли, чтобы кто-нибудь нас теперь разлучил!

Дон Камилло (*видя, что Фульвия начинает по-немногу приходить в себя*). Но она сама, она сама, эта дама, уйдет от вас!

Маури (*быстро поворачиваясь к Фульвии*). Ты, Флора! Ты уйдешь от меня?

Фульвия, еще не совсем пришедшая в себя, но уже мрачная, поднимает руку, чтобы отстранить Маури, и поворачивается к Дону Камилло.

Дон Камилло. Я уверяю вас, синьора, что он порвался силой, пользуясь отсутствием синьора профессора, вашего супруга.

Фульвия (*поднимаясь, к Маури*). Что вам еще надо от меня?

Дон Камилло. Ну вот, я ведь говорил!

Маури (*потрясенный*). Флора!.. О боже мой!.. Ты говоришь мне «вы»!

Фульвия (*раздраженно*). Но ведь мы с вами едва знакомы!

Дон Камилло. А вы обманули ее, эту даму, я знаю.

Маури (*гневно*). Да замолчите вы наконец!

Дон Камилло. Да, да! Вы обманули ее! Вы обманули ее! Она сама сказала мне это!

Маури (*Фульвии*). Как! Что ты говоришь? Ты сказала, что мы с тобой едва знакомы? Со мной, Флора? Со мной, который отдал тебе всю свою жизнь!

Фульвия (*с отвращением*). Перестаньте вы наконец!

Маури (*растерянно*). О боже мой! Что же это такое? Но ты, Флора...

Фульвия. Я не Флора.

Маури. Фульвия, Фульвия, я знаю! Но ты сама хотела, чтобы я называл тебя Флорой...

Ф у л ь в и я (*с жестоким презрением*). Может быть, вы хотите еще рассказать этим господам, при каких обстоятельствах это было?

Ма у р и (*оскорбленный*). Нет! Я? А? Но тогда ты на самом деле презираешь меня?

Ф у л ь в и я (*сидясь, углубленная в себя, мрачная, шепчет раздраженно*). Никого я не презираю.

Ма у р и (*настойчиво*). Потому что я обманул тебя?

Ф у л ь в и я (*с отчаянием*). Да нет же, говорю вам!

Ма у р и (*к дону Камилло*). Вы меня обвиняете в этом? Я сам кричал всем, всем вам здесь, что я вдвойне терзаюсь угрызениями совести! Я кричал это в лицо твоему мужу! Все могут засвидетельствовать это! — Скажите, скажите! Не кричал я ему разве, что он обманщик? Обманщик, да, обманщик! Он приехал сюда «прощать»! Он — прощать! Когда он должен был броситься перед тобой на колени и умолять о прощении, так же как и я, так же как и я! Вот так! (*Бросается на колени и кричит.*) Потому что оба, оба мы обманули ее, эту женщину!

Ф у л ь в и я (*медленно встает и говорит тихо, холодно, со страшной усталостью*). Боже мой, опять это представление... Как отвратительно!

Ма у р и (*как будто смотря на себя ее глазами, продолжая стоять на коленях*). О да! Отвратительно! Да! Ты права. Я замечаю это сам! (*Закрывает лицо руками, рыдая.*) Но это не я: это моя страсть, Флора! Не я кричу: кричит она! Мне самому противно слышать этот крик. Но я не могу иначе! Я хотел бы не кричать, а я кричу! (*Вскрикивает с колен, стараясь взять себя в руки.*) Я приехал сюда, чтобы доказать тебе, что я не лгал, я говорил тебе правду, то, что было правдой для меня! У меня никого не было в жизни, кроме тебя! И только на несколько дней! — Двадцать дней! Только двадцать дней за всю мою жизнь!

Ф у л ь в и я. Хорошо. Двадцать дней. Они прошли, и довольно.

Ма у р и. Как — довольно? Нет! Сейчас, Флора? Сейчас, когда весь этот обман кончился?

Ф у л ь в и я. Обман? О каком обмане вы мне говорите?

Маури. О моем. О том, как я обманывал тебя! — Теперь все кончено, кончено! Я освободимся! Я свободен сейчас!

Фульвия *(мрачно смотрит на него, как будто только сейчас начинает обращать на него внимание, в связи с какой-то мыслью, которая овладевает ею)*. В чем же наша свобода?

Маури. В возможности распоряжаться собой! Я бросил все! Я вышел в отставку! А моя жена? Знаешь, она сама открыла мне двери! «Уходи с богом, скатертью дорога!»

Наккери. Вот так так!

Маури *(быстро поворачиваясь к ней)*. Она никогда не любила меня! Всегда была мне чужой! Она богата, самостоятельна; у нее дома, имения. Только злобный инстинкт толкнул ее разыскать Флору в Перудже и сказать ей... *(Поворачивается к Фульвии, которая снова сидит, углубленная в свои мысли и как бы отсутствуя.)* Что она сказала тебе? Что она сказала тебе? Я еще не знаю, что она сказала тебе! *(И так как Фульвия не отвечает, он продолжает, обращаясь к другим.)* Может быть, она, понимаете ли, думая, что возвратит мир семье, и приехала сюда, чтобы покопчить с собой, убрать себя с дороги. *(Приближается к Фульвии, весело готовясь что-то сказать ей, но слова застревают у него в горле; все же, сделав над собой усилие и собравшись с духом, говорит с развязностью, которая одновременно делает его и жалким и смешным.)* Но теперь обман кончен! Представь себе только... да, я не стыжусь сказать тебе это... жена сама, своими руками, дала, дала мне... да, дала немного денег на дорогу.

Фульвия *(поднимая голову, быстро прерывает его, чтобы не возбуждать любопытства присутствующих)*. Ну а потом?

Маури *(ошеломленный неожиданным вопросом)*. А потом? Что ты хочешь этим сказать?

Фульвия. Что вы предполагаете делать?

Маури. Что я думаю делать? О! Что я думаю делать? — Но ты ведь со мной! Что же мне еще надо? Я буду все делать! Я начну давать концерты... Я могу, — конечно, в небольших городах...

Ф у л ь в и я (*поднимаясь, холодно*). Прошу вас сказать все это ему, как только он вернется.

Ма у р и (*с бурной радостью, между тем как все остальные ошеломлены*). Я! Ему? Ты хочешь, чтобы я сказал ему это?

Ф у л ь в и я (*с еще большей холодностью прерывает его, к доцу Камилло*). Мне кажется, он должен был бы уже приехать?

Д о н К а м и л л о. Да. Я, право, не знаю, чему приписать это опоздание...

Ма у р и. Я с радостью скажу ему это, с радостью... А теперь, когда ты согласна... как я счастлив!

Ф у л ь в и я (*нетерпеливо*). Прошу вас... прошу вас...

Ма у р и. Но, Флора! Ведь это не я! Согласись, ведь это ты, ты так серьезно смотрела на это! Как могла ты так поступить... извини меня, пожалуйста... из-за этой старой верблюдихи.

Р о г и (*не в силах сдержать смех*). Послушайте только!

Н а к к е р и (*клохча*). Ха-ха-ха-ха! Это так он называет свою супругу.

Д о н К а м и л л о (*точно так же*). Да ведь я же говорил вам, что он сумасшедший!

Ма у р и (*с глубокой серьезностью*). Старый верблюд, уверяю вас, господа. На десять лет старше меня. Хромоногая! Мужичка... Она видела ее. (*Показывает на Флору*.) Я женился на ней только потому, что у нее был рожаль.

Н а к к е р и (*еще громче смеясь*). Ха-ха-ха-ха! (*Зарражает своим смехом Роги и Джудитту*.)

Ма у р и (*все так же серьезно*). Простите меня, синьора, но, кажется, нет ничего смешного в том, что я говорю.

Р о г и (*продолжая смеяться*). Ну как же нет, скажите пожалуйста!

Ма у р и. Вы не понимаете, что значит в возрасте двадцати пяти лет, с головой, полной самых прекрасных мечтаний, приехать в захолустье, еще более глухое, еще более отвратительное, чем ваше, и плесневеть там чистыре, пять, десять бесконечных лет, исполняя обязанности судьи!

Р о ги (*к дону Камилло*). Значит, он на самом деле судья!

Д о н К а м и л л о (*с убеждением*). Он помеща-
ний.

М а у р и (*продолжая так же серьезно*). Я вышел в от-
ставку. Вы не можете себе представить, что это была за
жизнь! Хуже, чем ваша здесь. Даже ты, Флора, не мо-
жешь себе ее представить, ты, которая прошла через все
ужасы жизни! Боже мой, ты по крайней мере знаешь,
что такое ужас, по жизнь, сотканная из пустоты, не
стоит ничего! Это тень! Молчание! Время, которое оста-
новилось! Воды для питья — и той не было. Вода толь-
ко из цистерны, горькая, гнилая... Это все было бы еще
ничего! Но эта тишина! Эта тишина! Подумайте только!
Слышно как скользит веревка, на которой спускают
ведро в цистерну, скрип блока! А дома! дома... Старый,
пыльный, грязный стол с наваленными на нем судейски-
ми бумагами — и ползущая по ним муха. И вот вся жизнь
тут, в этой мухе, на которую вы смотрите часами и ча-
сами. — И представьте себе, однажды, посреди этой ти-
шины, звук рояля, единственного во всем городишке. Ме-
ня потянуло к нему, как измученного жаждой человека
тянет к воде! И, сипоры, я женился на женщине, кото-
рая мне тогда показалась прекрасной, умной, только по-
тому, что у нее был рояль, потому что, понимаете, я
учился музыке и никогда не изучал законы. — Я музы-
кант, а эта женщина, с первого же дня после свадьбы —
стала меня звать судьей, да, да, она этому же научила
сыновей! — Их у меня четверо, все они живут с ней, в
деревне, но-гра-мот-ны-е. И они, они также, они нико-
гда не звали меня «папа», они также зовут меня «судья»,
как мать. Дома — судья, на службе — судья!

Все, кроме Фульвии, хохочут

Р о ги (*сквозь смех*). Вот так история, вот так исто-
рия!

М а у р и. Смейтесь, смейтесь! Теперь и я могу смеять-
ся! — теперь я свободен! Да! И расстались мы полюбов-
но. Она даже проявила нежность. А я, уверяю вас, я хо-
тел задушить ее.

Дон Камилло (*увидев в саду Сильвио Джелли*).
О, слава богу, наконец-то и вы, синьор профессор.

Сильвио Джелли — мужчина около пятидесяти лет, широкоплечий, костистый. Носит очки в золотой оправе. У него бритое лицо, небольшая лысина, но на лоб и виски падают приди- светлых волос, которые он время от времени отбрасывает за- думчивым привычным жестом, задерживая при этом руку. На лице его следы душевной муки от переживаемого им внутрен- него кризиса, который он старается скрыть. Поэтому он часто ка- жется абсолютно безразличным и на губах его застывает неопре- деленная, холодная усмешка. Иногда лицо его принимает ирони- ческое выражение и на нем можно прочесть отражение лизменных страстей, хотя подавляемых, но еще не окончательно побежден- ных. Если затронуть его в минуту этой инертности и безразличия, которыми он прикрывается, как маской, неопределенная улыбка превращается в судорожную гримасу боли, будто еще и физиче- ская боль присоединяется к его нравственному страданию. По- после этой гримасы на лице его появляется выражение усталости, чувства собственного достоинства, как будто он хочет показать этим, что далек от всех страстей, которые все же время от вре- мени глубоко потрясают его. При его появлении Фульвия ко- шачьим движением вскакивает на ноги, руководимая тем же ин- стинктом, который тринадцать лет назад привел ее к падению. Для нее настал решающий момент, и вся ее фигура выражает твердую решимость выгодно использовать для себя присутствие своего обезумевшего от страсти любовника.

Сильвио (*замечая присутствие Маури, его весе- лость и веселое настроение других, а также подозритель- ную недоверчивость жены*). А вы опять здесь?

Маури (*прерывая*). Да, синьор профессор. Я при- ехал, чтобы...

Фульвия (*быстро прерывая его, повелительно*).
Дайте сказать мне! (*Мужу, решительно*.) Да, он снова здесь. Попрошу вас, господа, оставить нас.

Дон Камилло. Сию минуту, синьора, мы уйдем.
Позвольте мне только сказать два слова синьору профес- сору.

Фульвия (*прерывая снова, чтобы покончить с его объяснением*). Вы хотели сказать, что этот синьор во- рвался сюда силой. Хорошо, хорошо!

Маури (*к дону Камилло, указывая на Фульвию*).
Ну, мы уже пришли к соглашению!

Наккери (*зятю*). Уже договорились! Вот так ис- тория!

Сильвио (*Фульвия*). Может быть, ты сама проси-
ли его приехать?

Фульвия. Нет, нет. Как раз об этом нам нужно с
тобой поговорить.

Сильвио. Мне кажется, что вы как будто пришли
уже к какому-то соглашению.

Фульвия. Ни к какому соглашению мы не прихо-
дили, неправда!

Маури. Я приехал сам.

Фульвия. Да замолчите же вы!

Дон Камилло (*приглашая жестом Роги, Джудит-
ту и Наккери выйти*). Идем, идем!

Наккери (*оборачиваясь*). Сейчас, сейчас... Но по-
звольте сказать мне этим синьорам, что мы...

Дон Камилло (*как на иголках*). Идем, идем, Ма-
рианна, вы потом успеете поговорить.

Наккери. Я хотела только сказать, что уже конец
апреля, а в мае начинается съезд на воды иностранцев.

Сильвио. Что касается меня, синьора, то я рас-
считываю уехать отсюда очень скоро.

Наккери. Надеюсь, что вы предпишете это и ва-
шим больным, синьор профессор! Потому что нам уже
пора приводить в порядок наш пансионат.

Дон Камилло. Пожалуйста, синьор профессор, не
подумайте...

Сильвио. Вы отлично знаете, что неотложные дела
заставляют меня уехать как можно скорее.

Роги. Но если вы еще не сегодня уезжаете, синьор
профессор, то я хотел попросить вас...

Сильвио (*жене, не обращая внимания на Роги*).
Прошу вас...

Роги. Я не настаиваю, синьор профессор, я могу по-
дождать — я подожду, я приеду за вами еще раз...

Дон Камилло. Идемте, идемте теперь. (*Выталки-
вает за дверь Роги, Наккери и Джудитту, сам выходит
последним с поклоном и закрывает за собой дверь.*)

Фульвия (*быстро и нервно*). Сильвио, этот синьор,
с которым я едва знакома...

Маури (*оскорбленный, протестуя*). Это неправда,
Флора!

Фульвия. Я же вам сказала, что говорить буду я!

Маури. Ты говоришь такие вещи!

Фульвия. Не все ли равно для такой, как я, долго или коротко мы были с вами знакомы? (*Мужу.*) «Флора», ты слышал? — Он называет меня Флорой!

Маури (*с упреком*). Фульвия!

Фульвия (*стремительно*). Нет, нет, Флора, Флора — я Флора. (*Снова к мужу.*) Меня зовут сразу по имени и говорят мне «ты».

Сильвио. Но мне хотелось бы знать, каким образом после того, что случилось, этот сеньор находится снова здесь?

Фульвия. Да, да, Сильвио, этот сеньор искренне уверен, что я хотела покончить с собой из-за него. Но это неправда!

Маури. Как так неправда?

Фульвия. Да, это неправда. Я поступила так ради самой себя. Расскажите ему, как и где мы с вами познакомились, и это объяснит ему все.

Сильвио. Я не желаю этого знать!

Фульвия. Я была арестована.

Маури (*протестуя*). Нет! Ты вовсе не была арестована! Что ты говоришь!

Фульвия. Меня вызвали в суд по обвинению в самом пошлейшем преступлении.

Маури (*горячо*). Что она говорит! Не верьте ей! Она была вызвана как свидетельница.

Сильвио. Я повторяю вам, что я ничего не хочу знать!

Маури (*продолжая страстно*). Она была вызвана как свидетельница. Я повторяю это. Это случилось после моего назначения в Перуджу. Я был как раз в кабинете судебного следователя, моего коллеги. Это был процесс по поводу убийства некоего Гамбы.

Фульвия. С которым я приехала в Перуджу.

Маури. Да. Он был художником...

Фульвия. Какой там художник! Жалкий инкрустатор с Муранской фабрики.

Маури. Может быть... Он приехал для реставрации какой-то мозаики...

Фульвия. Негодяй, который ежедневно напивался...

Маури. Он бил ее! Бил ее!

Ф у л ь в и я. Однажды ночью его нашли на улице мертвым с раскроенным черепом.

Сильвио Джелли отбрасывает привычным жестом полосы и ударяет руку на голове.

М а у р и (*подскакивая при жесте Сильвио*). Это ужас? Не правда ли? «Вот до чего она пала!» Но извольте слушать дальше!

Ф у л ь в и я (*с силой*). Бросьте вашу декламацию!

М а у р и (*не слушая ее, продолжает, но уже в более пониженном тоне*). Она мне говорила, что только в первый раз трудно сбросить на глазах у всех маску, которую навязало нам общество.— Вы улыбаетесь, попробуйте сделать это.

Сильвио. Но я вовсе и не думаю улыбаться.

М а у р и. Нет, вы улыбались! — Попробуйте только украсть пять лир и дать себя поймать на месте преступления. Тогда бы вы заговорили иначе! Но вы не вор... А разве эта несчастная поступила бы так, если бы не вы, ее муж...

Ф у л ь в и я (*прерывая его, очень гордо*). Довольно! Я запрещаю вам продолжать.

Сильвио (*спокойно и тихо*). Я приехал сюда...

М а у р и. Чтобы простить, мы это знаем...

Сильвио (*решительно, твердо и торжественно*). Нет! Я приехал, чтобы сознаться в своей вине перед этой женщиной. Но я не ожидал, что кроме нее встречу здесь еще кого-то, который бы осмеливался обвинять меня.

М а у р и. И требовать искупления.

Ф у л ь в и я. Молчите, вы не знаете, что говорите...

М а у р и. Нет, я требую искупления. И повторяю это ему, потому что я сам глубоко перед тобой виноват. Ты меня простила, но я готов на все, чтобы загладить мою вину!

Ф у л ь в и я (*с выражением человека, который не желает продолжать спора*). Прекрасно — и как раз хотела сказать тебе, Сильвио, что он готов...

М а у р и (*настойчиво и вызывающе*). Я готов, готов искупить свою вину!

Ф у л ь в и я (*отчаянно, с негодованием кричит*). Да не говорите вы об этом. Не смешите меня! Раз я не при-

знаю вас виноватым, так в чем же вы хотите обвинять себя? Не смешно ли это! Вы лгали мне, как и множество других. Что мне за дело до этого? (*Оборачиваясь вдруг к мужу.*) Может быть, и ты думаешь, что у тебя есть какие-то обязательства по отношению ко мне, потому что ты спас мне жизнь? Нет, никаких, мой дорогой! Спасибо тебе!

Сильвио (*ошеломленный*). Как! Я...

Фульвия (*повышенным тоном, не терпящим возражений*). Может быть, ты приехал сюда только как врач, чтобы сделать мне операцию?

Сильвио. Нет!

Фульвия. Но, делая мне операцию, о чем тебя, впрочем, никто не просил...

Маури. И я протестовал, и я протестовал!

Фульвия (*не обращая на него внимания*). Что касается меня, я ведь не просила тебя об этом — не правда ли?

Сильвио (*окончательно растерянный, не понимая, куда клонится этот вопрос*). Нет... Я сделал это...

Фульвия (*быстро договаривая его мысль*). Почти помимо твоей воли, не правда ли?

Сильвио. Видя тебя, в каком ты состоянии...

Фульвия. Ну и что ж! Я была на краю смерти. Мое спасение было чудом для тебя самого! Если бы ты знал, как я теперь верю в чудеса!

Сильвио. Что ты хочешь этим, собственно, сказать?

Фульвия. Ничего. Я хочу только, чтобы ты не думал, что у тебя есть теперь какие-то обязательства передо мной из-за того, что ты возвратил меня к жизни. Никаких обязательств! Никто мне ничего не должен! Ни ты, ни он! Ни долгов, ни возмещений!

Сильвио. Что же ты намерена теперь делать?

Маури. Она посидит со мной!

Фульвия. Вот я здесь, вы видите... Я нахожусь между долгом, который я признаю недействительным, и виной, которую я объявляю воображаемой...

Сильвио (*с усмешкой*). Ты все такая же!

Фульвия. Да, я все такая же. И это меня радует. Меня радует, что мои крашенные волосы и мой топереш-

ний вид не мешают тебе видеть меня такой же, какой я была для тебя прежде.

Сильвио. Да, сейчас я вижу тебя такой. А в эти тяжелые дни ты была совсем другая.

Маури. Потому что сейчас здесь я.

Фульвия (*Маури*). Вы тут решительно ни при чем. Я же приказала вам молчать! (*Мужу.*) Я показалась тебе прежней, потому что ты сам был такой... растерянный...

Сильвио. Я?

Фульвия. Ну да, растерянный, неуверенный... в глубине души раскаивающийся. Я убеждена в этом.

Сильвио. Раскаивающийся? В чем?

Фульвия. В том, что зашел дальше, чем предполагал.

Сильвио. Нет, неправда, не в этом.

Фульвия. Но, серьезно, неужели ты считаешь, что ты очень переменялся?

Сильвио. Уже тот факт, что я здесь, разве не доказывает тебе этого?

Фульвия. Но ты не ожидал встретить его здесь?

Сильвио. Да, да, правда, этого я не ожидал. Если бы я знал, я не приехал бы!

Фульвия (*презрительно*). Можешь уехать обратно!

Сильвио (*сдержанно*). Я хочу сказать только, что ты ставишь меня в такое неловкое положение! (*Показывает на Маури.*)

Маури. Но мне все про вас известно.

Сильвио. Что вам может быть про меня известно? Только то, что говорила она. Вам известна моя вина. Но что вы можете знать о тех страданиях, которые я претерпел из-за нее.

Фульвия. Ты много страдал?

Сильвио. Много. Раз я приехал сюда и ты видишь меня здесь... Но ты не заставишь меня говорить тебе об этом при постороннем.

Фульвия. Нет, нет, говори, говори, потому что этот посторонний находится здесь больше ради тебя, чем ради меня.

Маури. Но я же не посторонний для нее. (*Указывает на Фульвию.*)

Сильвио (*отвечая Фульвии*). Он здесь ради меня? Что ты хочешь этим сказать?

Фульвия. О, конечно, сейчас я говорю не о знаменитом профессоре, каким ты стал теперь. Мне даже становится неловко, когда я представляю себе это. Но такому, каким ты был прежде, было бы все равно, кто со мной — этот или другой. Что поделаешь, я могу вспомнить только то время, когда мне едва исполнилось восемнадцать и ты играл со мной, как кошка с мышкой, из любопытства, чтоб узнать, что будет. И вот полюбуешься, что вышло. Ты говоришь, что много страдал. Хотелось бы мне знать, как именно?

Сильвио. Но я тебе уже говорил, как.

Фульвия. Нет, прости, ты мне говорил, что даже не в силах был страдать.

Сильвио. Я сказал тебе, что не в силах рассуждать ни о твоих, ни о моих муках. Вот что я сказал!

Фульвия. Ах так!

Сильвио. Ты не можешь этого понять! Есть вещи, которые нельзя объяснить.

Фульвия. Разве никого не было с тобой? (*Намечает на свою дочь и становится еще мрачнее.*)

Сильвио. Я чувствовал себя не в праве...

Фульвия. Считал себя виноватым, да?

Сильвио. Если хочешь — виноватым, потому что я понял, что ты ушла из-за меня, и ничто не могло заполнить этой пустоты!

Фульвия (*с презрением*). Но все-таки ты утверждаешь, что ты страдал по моей вине?

Сильвио. Нет, не так, как ты думаешь... Да и сейчас не так... Нет. Во всем виновата жизнь, такая...

Маури. Да, да, вы правы, и я тоже...

Сильвио (*не обращая на него внимания*). Ты здесь стреляешься, там другой сходит с ума, третий философствует и не приходит ни к чему...

Маури (*про себя*). Жизнь — жестока. Это я знаю!

Сильвио. Еду сюда, говорю себе: «она умирает, хочет уйти примиренной. Снепи к ней!» Приезжаю, и чувства мои разбиваются о такую действительность, которую трудно было себе представить!

Фульвия. Ну, а что ты думаешь делать теперь?

Сильвио. Едва приехав, я пахожу тебя с мужчиной. Ты не признаешь с моей стороны никаких обязательств по отношению к тебе, никакого долга. Я вижу, что ты приняла какое-то решение, но какое — не знаю.

Фульвия (*как будто сделав неожиданное открытие*). Когда ты смотришь, сам не замечая того, так — исподлюбья, ты представить себе не можешь, дорогой мой, сколько хитрости у тебя еще в глазах.

Сильвио. У меня?

Фульвия. Да, да, у тебя!

Сильвио. Хитрости?

Фульвия. Да, хитрости. Я заметила это, когда ты только что посмотрел на меня так. (*Показывает ему.*)

Сильвио. Скорее печали или, может быть, усталости.

Фульвия. Нет, хитрости, хитрости, прежней хитрости. Даже сейчас ты хочешь хитрить, рисоваться передо мной. Знаю я вас, все мужчины одинаковы. Но вы забываете, что бывают моменты, когда женщины видят вас без всякой рисовки. Ты, конечно, понимаешь меня. А потому женщины смеются вам прямо в лицо, когда вы начинаете прижимать такие позы. Вы им тогда противны, отвратительны! — Но это к делу не относится!

Сильвио. Ты хочешь освободить меня от всякого долга по отношению к тебе, чтобы испытать, действительно ли я перомешился?

Фульвия. Нет, нет, ты ошибаешься. Но, видишь ли, твоя хитрость...

Сильвио. Нет, Фульвия, поверь, я просто не могу доказать тебе...

Фульвия. Я не желаю доказательств. Разве ты не понимаешь, что я ничего не хочу от тебя сейчас? Я, такая, какая я есть. Я не хочу воспользоваться твоим приездом, для того чтобы ты принял участие во мне, в моей жизни, которую ты спас. Что мне моя теперешняя жизнь! Что бы со мною ни случилось, мне все безразлично. И ты был бы дураком, если бы казнил из-за меня. Ты приехал, потому что был уверен, что я не выживу. Тем хуже для меня, если я не умерла!

Маури (*страстно*). Но ведь я же здесь, Флора!

Фульвия (*презрительно, указывая мужу на лю-*

бзовника). Ты видишь, и он здесь! — Именно об этом я и хотела тебе сказать.

Маури. Да, да, я на все готов для тебя!

Фульвия (*почти спокойно*). Ради бога, не говори-те о любви! (*Мужу.*) Видишь, он готов взять меня к себе.

Маури. И навсегда!

Фульвия. Браво, дорогой мой! Совсем как говорят женихи!

Маури. Нет. Так, как могу сказать только я один.

Фульвия (*глядя мимо него на мужа*). Он бросил жену, детей, потерял службу ради меня. Так ведь?

Маури. Да.

Фульвия. Предлагает мне великодушное будущее: давать концерты в провинции. Как жаль, что из-за моей мерзкой жизни у меня пропал голос. Мы бы хорошо зарабатывали вместе. Он играл бы, а я пела! (*Разражается вызывающим смехом.*)

Маури. Ты издеваешься надо мной!

Фульвия. Ничуть. Я просто верю в ваш талант пианиста.

Сильвио (*презрительно*). Все это вздор.

Фульвия. На тебя это произвело большое впечатление? На меня никакого! Я прошу вас обоих предоста-вить меня самой себе, и, чтобы не возвращаться больше к этому вопросу, давайте решим это сейчас же, полюбов-но. Я много лет жила так, изо дня в день, терпела нуж-ду в самом необходимом. Забота о завтрашнем дне меня не пугает. Судьба может играть мною, как ей вздумается! Я ее игрушка! (*Подходит к мужу и вульгарно подмиги-вает ему, как проститутка.*) Как была твоей!

Сильвио. Моей?

Фульвия (*смеется сквозь слезы и, чтобы подавить спазматические рыдания, все громче выкрикивает*). Да, твоей игрушкой. Когда я была еще почти ребенком, ты учил меня вещам, которые мне казались тогда ужасны-ми, отвратительными!

Сильвио (*стараясь остановить ее*). Фульвия!

Фульвия. Теперь все это у меня уже вошло в при-вычку.

Сильвио. Фульвия! Фульвия!

Фульвия. О, теперь я искусна!

Сильвио. Тебе доставляет наслаждение терзать себя!

Фульвия. Я всему научила и его. Потому он так и привязался ко мне! *(Вдруг обрывает в предельном отращении.)* Мерзость! Мерзость! Мерзость! *(Кричит, вся дрожа, закрывая волосами лицо.)* О боже мой! Какая мерзость!

Маури и Сильвио подбегают к ней, стараясь успокоить, говорят одновременно.

Сильвио. Нельзя доводить себя до такого состояния!

Маури. Флора, ведь я же смотрел на тебя как на святую, как на святую!

Фульвия *(неожиданно выпрямляется, еще дрожа от рыданий, кладет руки на плечи Маури)*. Да, это правда. Для вас, да. *(Поправляясь.)* Для тебя, да. Но, ради бога, молчи!

Маури *(вне себя от счастья, старается схватить и поцеловать ее руку)*. О Флора! Спасибо, спасибо.

Фульвия *(вырывая руку, с отвращением)*. Нет, нет, нет!

Маури. С меня довольно той жалости, той жалости, которую ты чувствуешь к моей любви. Больше мне ничего не надо! Ничего! Это так сладостно, что мне и этого довольно!

Фульвия *(с нетерпением)*. Хорошо, хорошо! *(Мужу.)* Пусть будет так. Я уйду с ним. А ты уезжай, дорогой мой, с успокоенной совестью, считая, что ты сделал доброе дело!

Сильвио *(смотрит на нее с бесконечным страданием, а потом, сдерживая свое волнение, говорит твердо)*. Я прошу тебя, Фульвия, не ставь меня в такое положение!

Фульвия. Повторяю тебе искренне: приехав сюда, ты сделал доброе дело. Что же касается остального, что случилось помимо твоей воли, может быть и для меня плохой услугой. Но я говорю тебе совершенно искренне: я не хочу и не буду считать тебя ответственным за это.

Ты можешь ехать совершенно спокойно, не чувствуя за собой никакой вины. Еще одно: если ты пожелаешь — видишь, во мне ничего не осталось от прежнего — я самая вульгарная женщина, — да, ты можешь дать мне немного денег, как ему дала его жена! (*Разражается смехом, показывая на Маури.*)

Маури. Нет, нет, не надо денег! Не принимай от него денег, Флора!

Фульвия. Дурак! Разве ты не видишь, что это не для нас! Я делаю это для него. Чем больше он даст, тем приятнее ему будет! (*Отчеканивая каждое слово.*) Разве не ясно, что, несмотря на все мои старания разубедить его, он продолжает чувствовать себя виноватым. И вот я предлагаю ему покончить со всем, расплатившись звонкой монетой!

Сильвио (*не в состоянии больше сдерживать себя, с предельной решимостью*). Довольно, Фульвия! Перестань. Ты должна меня выслушать!

Фульвия (*еле сдерживая ярость, с угрожающим видом*). Ах нет! Не смей говорить со мной о том, что я читаю в твоих глазах!

Маури (*про себя, ядовито усмехаясь*). Про дочь, он хочет говорить про дочь!

Сильвио. И все же я должен с тобой говорить о пей!

Фульвия. Не посмешь! Разве ты не видишь, что я нарочно втаптывала себя в грязь, чтоб помешать тебе сделать это?

Сильвио. Так ты не хочешь выслушать меня?

Фульвия. Нет!

Сильвио. Ты заставляешь меня...

Фульвия. Не так давно ты избегал даже намеков о ней!

Сильвио. А сейчас я хочу говорить о ней!

Фульвия. А я запрещаю тебе говорить со мной, с такой, готовой уйти к другому! (*Обнимает одной рукой Маури.*)

Сильвио. Хорошо, иду. Но помни только, что ты не можешь теперь ни в чем обвинять меня!

Фульвия (*Маури*). Разве я его обвиняла? Я, наоборот, хвалила тебя, благодарила, я просила тебя уехать

с миром. Это ты колебался, настаивал, хотел говорить, ища себе оправданий, которых я у тебя не требовала!

Маури. А зеркало! Зеркало!

Сильвио. О каком зеркале вы говорите?!

Маури (*почти улыбающийся*). Зеркало, которое мы ставим перед собой и, сами не сознавая того, смотримся в него. И кажется нам, что говорит кто-то другой, а это мы сами. Это мне отлично знакомо!

Сильвио. Так и держите это про себя!

Маури. Это не мешает и вам знать!

Сильвио (*Фульвия*). Почему ты бросаешь мне в лицо вину, в которой я сам сознался?

Фульвия. Нет, наоборот, я снимаю ее с тебя.

Сильвио. Каким образом? Тем, что ты втантываешь себя в грязь, чтобы еще сильнее заставить меня почувствовать ее?

Фульвия (*изменившимся голосом, в котором звучит искренность отчаяния, почти приниженность, чувствуется, что настал момент, когда она больше не в силах притворяться*). О боже мой! Все эти дни... вместе с тобой... Ты сам говорил, что я стала такой, как бывало... И с сердцем, полным надежды, с сердцем матери я ждала, что вот-вот он заговорит... о моей девочке... Я говорила себе: «оставайся такой, оставайся такой... Он сейчас добрый... он приехал... он будет говорить с тобой, он будет говорить с тобой о дочке...».

Сильвио (*громко, дрожащим голосом, чтобы прервать ее*). А если я не мог говорить с тобой!

Фульвия (*озлобленно, меняя тон*). А почему сейчас ты можешь говорить о ней?

Сильвио. Чтобы объяснить тебе, почему я не говорил раньше.

Фульвия. Сейчас я ничего не хочу знать. Твои доводы для меня не имеют значения! Они важны только для тебя!

Сильвио. Не для меня, а для твоей дочери!

Фульвия. Какое значение они могут иметь для нее?

Сильвио. Исключительно для нее!

Фульвия. Потому, что она думает, что я умерла,

да? Я так и знала! Старая сказка! — Кто это сказал ей? Это ты ей сказал, что я умерла?

Сильвио. Нет, не я...

Фульвия. Она сама это решила, а ты оставил ее в этом убеждении? — Ну что ж! И отлично! Довольно об этом. Я так и предполагала. Ты хочешь сказать, что не мог повторить для нее чуда моего воскресения?

Сильвио. Нет, по скажи мне, думаешь ли ты, считаешь ли, что это возможно? Я уже целый месяц об этом думаю, этим живу, с тех пор как увидел, что есть надежда на твоё выздоровление. Ты ждала, чтоб я заговорил с тобой об этом. Но я не говорил с тобой! Как я мог? Скажи мне! Как мы можем возвратиться домой с тобой?

Фульвия *(в ужасе)*. Нет, нет!

Сильвио *(проболжая)*. Где ты была все это время? И почему ты оставляла ее в убеждении, что ты умерла, если это была неправда?

Фульвия. Нет, это невозможно, нет!

Сильвио. Ты сама это видишь!

Фульвия. Не в этом дело! — Если б я умерла на самом деле... Но я живу! Не для себя, пойми! Ты еще не знаешь всего чуда, которое ты сотворил! Ты себе представить не можешь этого! Блаженное состояние! Вернуться к жизни в тот момент... Дорогой мой, если ты не можешь воскресить меня для дочери, она сейчас может воскреснуть во мне!

Сильвио *(ошеломленный и мрачный)*. Что ты говоришь?

Фульвия. Она — или другая — раз она уже во мне, для меня все равно!

Сильвио. Фульвия, что ты говоришь?

Маури. Как! Значит?..

Фульвия. Почему же я так легко отпущусь ко всему? Да именно поэтому. Разве ты не видишь, что для меня все остальное безразлично?

Маури. Ты отдалась ему?

Сильвио *(у которого рассеялись теперь все сомнения, с твердой решимостью)*. А если так, нам не о чем больше разговаривать! Все решено.

Фульвия. Что?

Маури *(про себя)*. По это измена!

Сильвио. Я уже думал — раньше, чем ты мне сказала, — что есть средство — единственное — для того чтобы все исправить!

Фульвия. Какое может быть средство, если ты убил меня для нее!

Сильвио. Нет — есть, есть! А теперь тебе ничего больше не остается, как согласиться.

Фульвия. Согласиться — на что?

Сильвио. Ехать со мной!

Маури. Нет, Флора! Не делай этого, не делай этого!

Сильвио. Теперь она это сделает, это решено.

Фульвия (*к Маури, успокаивая его*). Подождите. (*Мужу, недоверчиво.*) С тобой, куда?

Сильвио. Куда? Домой! К себе домой...

Фульвия. В качестве кого?

Сильвио (*не задумываясь, с силой*). В качестве моей жены!

Фульвия. А как же она? Ведь она думает, что я умерла?

Сильвио. Не понимаю тебя! Ты должна быть моей женой, но для видимости не считаться ее матерью.

Фульвия. Твоей женой? И не быть ее матерью! Быть для нее кем же?

Маури (*порывисто*). Это жестоко! Это жестоко!

Фульвия. Но я не хочу быть ее мачехой!

Сильвио. Но ведь это будет только для виду! Ты останешься ее матерью!

Фульвия. А она будет считать меня мачехой?

Маури. Не соглашайся, Фульвия, не соглашайся!

Сильвио. Другого выхода нет! Неужели лучше то, что вы предлагаете ей?

Маури. Лучше! В сто раз лучше! Нужда, Флора, со мной лучше, подумай только, Флора, какая это мука для тебя, если твоя дочь будет считать тебя чужой!

Сильвио. Если ты сможешь это вынести...

Фульвия (*с живостью, презрительно, но все же, как бы уже задумываясь*). Не в этом дело. Вынести я смогу все, ведь я ее мать! (*Встает и как будто только что начинает понимать.*) Значит, ты хочешь взять меня с собой?

Маури (*очень взволнован*). Ты соглашаешься?

Ф у л ь в и я (*не обращая на него внимания, мужу или, скорей, как бы говоря сама с собой*). Но как же... ах, да, мы состоим ведь в законном браке... больше ничего и не требуется.

С и л ь в и о. Ведь это только для нее... одна видимость...

М а у р и (*про себя*). О, какое предательство! Она готова уступить ему!

Ф у л ь в и я (*про себя*). Ей уже шестнадцать лет!.. Конечно, она не может меня помнить.

С и л ь в и о. Ей было три года с небольшим...

Ф у л ь в и я (*живо, с насмешкой*). Когда я умерла!.. (*Сдерживаясь.*) А другие? Они могут узнать меня!

С и л ь в и о. Никто, никто не узнает! Я живу теперь почти в деревне. Но эти пустыни... Мы можем переехать.

М а у р и (*решительно*). Значит, для меня все кончено? Но это невозможно, послушай, это невозможно!

Ф у л ь в и я (*качая головой, раздосадованная*). Что вы хотите от меня?

М а у р и. Как — что я хочу? А что будет со мной? Что я буду делать без тебя?

С и л ь в и о (*подходя к нему*). Вы должны, кажется, понять, что теперь уже не время говорить в таком тоне!

М а у р и. Вся моя жизнь разбита из-за нее...

Ф у л ь в и я (*прерывая его, мужу*). Подожди, оставь его, я скажу ему сама...

М а у р и (*страстно обнимая ее*). Я ничего слышать не хочу! Ты моя! Я не отдам тебя!

С и л ь в и о (*отталкивает его*). Довольно, я слушал...

Ф у л ь в и я (*вырываясь*). Пустите меня!

М а у р и (*тем же тоном*). Нет, я не пущу тебя! Я не отдам тебя!

Ф у л ь в и я (*отталкивает его*). Пусти меня, говорю я тебе!

С и л ь в и о. Вон, вон отсюда! Вон отсюда!

М а у р и (*отчаянно рыдая*). Но имей же сострадание...

Ф у л ь в и я. Какого вы хотите сострадания?

М а у р и. Но я не хочу! Я не могу согласиться.

Ф у л ь в и я. Слова напрасны...

Маури. Целая жизнь еще впереди — как будто я ничто! Ты ломаешь меня, выбрасываешь меня!.. *(Падает на стул, совершенно убитый горем.)*

Сильвио. Ступайте, ступайте, довольно!

Фульвия *(подходит к Маури и делает знак Сильвио)*. Чутьку сострадания, чутьку сострадания! Надо расстаться по-хорошему.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вилла доктора Сильвие Джелли, вблизи одной из деревень на берегу озера Комо. Гостиная — комната большая и такая светлоголубая, что кажется зеленоватой. Обстановка изысканная, аристократическая, но не новая, чтобы Фульвия Джелли могла узнать и ней свою, которую она оставила тринадцать лет назад в другом доме. В глубине комнаты веранда, выходящая в сад. Два выхода справа, один выход с левой стороны. Со времени первого действия прошло около четырех месяцев. Август.

При поднятии занавеса на сцене Фульвия, гувернантка Бетта и приказчик из магазина. Фульвия одета в роскошное светлое летнее платье. Волосы ее все еще выкрашены в рыжий цвет, но прическа гладкая. Она не бледна больше той мертвенной бледностью, как в первом действии, кажется успокоенной. Гувернантка имеет вид самодовольный, держит себя как хозяйка; все они стоят у стола и рассматривают, ощупывают разные материи — белые, голубые, розовые, лиловые, которые приказчик разложил на столе перед ними. Эти вещи вынуты из картонки, обтянутой клеенкой, которая стоит на стуле. Гувернантка рассматривает материи в лорнет.

Приказчик. Позвольте вас побеспокоить, синьора.

Фульвия. Да нет, какое же тут беспокойство!

Приказчик. Понимаю. Pardon! Хотя для матери — я хотел только заметить — не будет ли для вас слишком затруднительно шить самой приданое для новорожденного...

Фульвия. О нет! нет! Это только развлечет меня.

Приказчик. Понимаю. Я говорю это только потому, что у нас есть прекрасные готовые вещи для малыток — полный ассортимент, самый изысканный.

Фульвия (*к Бетте, которая рассматривает какую-то ткань*). Как вам нравится это?

Бетта. Да, но мне кажется немного грубовато.

Приказчик. Этот батист — это что-то особенное — теперь все берут его, а, может быть, позволите предложить вам нансук?

Бетта. Нансук или что другое, но мне все кажется немного грубоватым.

Приказчик (*обиженно*). Нет уж, извините, синьора, это самый тонкий батист!

Бетта. Все равно, батист или нет, а я говорю, что грубовато!

Приказчик. Да нет же, посмотрите хорошенько, материя легкая, мягкая, как раз для нежного тельца младенца. А за добротность я ручаюсь.

Фульвия. Хорошо, хорошо, но все же это не то, что я искала. Я раньше покупала другую материю, такую же тонкую, мягкую, но гораздо более плотную.

Приказчик. Может быть, камбри, синьора?

Бетта. А какой раньше был муслин!

Фульвия. Нет, нет, не камбри.

Приказчик. Лино батист? Вумажный батист?

Фульвия. Я не знаю, право. Я покажу вам. Пожалуйста, Бетта, пойдите наверх к Ливии. Вы знаете, там, в старом комод...

Бетта. Да, да, знаю.

Фульвия. Да, там лежат ее детские чепчики, я видала.

Бетта. Хорошо, синьора, иду. (*Уходит.*)

Фульвия. Нет, лучше подождите, не говорите ей ничего. Попросите ее сойти сюда, вниз, на минутку.

Бетта. Хорошо, синьора. (*Уходит в дверь направо.*)

Фульвия. Вот увидите сейчас, что это за материя.

Приказчик. Но когда вы выстираете нансук, вы увидите, каким плотным он станет. А что касается мягкости, то, уверяю вас, синьора, вы не найдете ничего мягче этого батиста.

Фульвия. Во всяком случае, я беру этот цветной. Если бы еще у вас был лиловый, потемнее...

Приказчик. Синьора, у нас в магазине есть такой, но мне кажется, что и этот вам подойдет.

Фульвия. А вот валансен мне решительно не нравится.

П р и к а з ч и к. Как вам будет угодно. Но, вы знаете... теперешние условия рынка... прямо хоть плачь!

Из двери справа входит Ливия. Ей недавно исполнилось шестнадцать лет. Вид у нее серьезный, она держит себя холодно, смущается каждый раз, когда ей смотрят прямо в лицо. Одетая в глубокий траур. Фульвия замечает ее приход не сразу.

Л и в и я. Ты звала меня?

Ф у л ь в и я (*слегка поворачивая голову*). Ах да, Ливия, иди сюда! (*Заметив ее траур, с удивлением.*) Зачем это? Что такое?

Ливия опускает глаза и молчит.

Ф у л ь в и я (*вдруг вспомнив*). Ах да, да! Прости меня! (*Потом, словно забыв о своем намерении.*) Нет, нет, ничего, иди себе!

Л и в и я (*холодно*). Что ты хотела от меня?

Ф у л ь в и я. Нет, ничего. Ты собираешься в церковь?

Л и в и я. Да, скоро. Священник сказал, что он может начать службу не раньше одиннадцати.

Ф у л ь в и я. Значит, служба кончится поздно. Три мессы...

Л и в и я. Я хотела две.

Ф у л ь в и я (*живо, с ласковым упреком, но как бы обиженно*). Нет, Ливия, это было бы неприятно маме, я уже не говорю про себя.

Л и в и я (*в том же тоне*). Я и заказала две мессы, чтобы не доставлять неприятности тебе. (*Несмотря на видимую лобезность, в ее словах слышится намерение оскорбить Фульвию.*)

Ф у л ь в и я (*с горечью*). Как ты не понимаешь, что для меня самое большое огорчение то, что ты можешь так думать. Ведь каждый год ты заказывала три мессы. Ты должна сделать так же и в этом году. Папа пойдет с тобой?

Л и в и я. Не знаю, захочет ли он пойти.

Ф у л ь в и я. Пойдет, пойдет. Я скажу ему, чтобы шел! (*Обрывая.*) А я как раз выбирала материал для приданого малютке.

Л и в и я (*холодно, как будто ей до этого нет никакого дела*). Ах, да...

Ф у л ь в и я (не в силах более притворяться, что не замечает ее тона). Иди, иди! Я звала тебя не для того, чтобы просить помочь мне! (Увидя, что Ливия, ни слова не говоря, уходит, меняет тон и настроение.) Я хотела попросить у тебя ключ от того комода, где спрятаны остатки твоего детского приданого.

Л и в и я. Хорошо, я пришлю его сейчас. (Уходит направо.)

Ф у л ь в и я (приказчику, который тем временем складывал материю в картонку). Извините меня!

П р и к а з ч и к. О, пожалуйста, синьора!

Ф у л ь в и я. Чтобы покончить с этим делом, порешим на том, что я беру нансук.

П р и к а з ч и к. Превосходно! Вы можете быть уверенной, синьора, что сделали прекрасную покупку.

Ф у л ь в и я. Пришлите мне столько метров, сколько я вам сказала.

П р и к а з ч и к. Хорошо, я уже сделал себе заметку и пришлю вам все после обеда. Мое почтение, синьора...

Ф у л ь в и я. До свиданья.

Приказчик уходит налево, а справа возвращается Бетта.

(Увидев ее, говорит насмешливо.) Скажите, вы тоже заказали заукокойную мессу в память усопшей?

Б е т т а (как старая лиса). Простите меня, синьора, это уж воплю здесь в обычай. Ежегодно в этот день... Простите меня...

Ф у л ь в и я (строго и с негодованием). Почему вы просите у меня прощения?

Б е т т а. Потому что нам следовало бы делать это тайно от синьоры.

Ф у л ь в и я. Значит, вы находите, что в этом есть что-то предосудительное?

Б е т т а. Нет, синьора, но это делается для бедной девочки...

Ф у л ь в и я. Ах так, для псе. Следовательно, вы делаете это не для себя? Не в память вашей умершей хозяйки...

Б е т т а. Ах нет, синьора, также для меня и в память моей бедной хозяйки. Таков обычай, говорю я вам.

Фульвия. И так каждый год, с тех пор как она умерла?

Бетта. Да, да. С тех пор как она умерла. Одну мессу заказывает дочка, одну синьор доктор, а одну я.

Фульвия. И Ливия также с той самой поры?

Бетта. Она первая захотела!

Фульвия. Что вы мне рассказываете сказки! Ливия была тогда еще крошкой, и она ничего не могла знать о мессах! Разве только что об этом позаботились вы или ее отец.

Бетта *(смущенно)*. Да, вы правы. Это был ее отец!

Фульвия *(смеясь)*. Но как же все это произошло? Вы должны помнить, потому что вы все это время жили здесь. Вы говорите, что она умерла у вас на руках, ваша хозяйка?

Сильвио Джелли, который в это время в другой комнате разговаривал с Ливией, как раз при этих ее словах входит справа. Он слышит последние слова Фульвии и боится, чтобы она не выдала тайны, быстро прерывает ее.

Сильвио. Фульвия! *(Сейчас же останавливается, заппнувшись на этом имени, которое помимо его воли вырвалось у него.)*

Фульвия *(быстро оборачиваясь к нему, говорит со злорадством)*. Как? Фульвия? О боже мой! Это понятно, сегодня годовщина ее смерти! Но неужели ты до такой степени поглощен воспоминанием о ней, что даже назвал меня со именем!

Сильвио. Извини меня... Ты права...

Фульвия. Ничего, милый, это так естественно! Так легко перепутать имена. Меня называли Флорой, знаете, Бетта? Не правда ли противное имя, как собачонку. Он начал меня называть моим вторым именем — Франческа. *(Мужу.)* Так прошу же тебя помнить это, дорогой мой! *(Замечая, что он омрачился и как бы находится в каком-то напряженном ожидании.)* В чем дело? Я только хотела исправить твою оплошность!

Сильвио *(слегка раздраженно хочет дать ей понять, что он огорчен не этим)*. Хорошо, хорошо... но...

Фульвия *(понимая его)*. Все это пустяки... Мы говорили сейчас по поводу трех месс. *(Бетте.)* Ливия ничего вам не передавала для меня?

Сильвио (*с живостью*). Я как раз и пришел из-за этого.

Фульвия (*взволнованно и возбужденно*). Она не хочет дать мне ключ от комода?

Сильвио (*Бетте*). Идите, идите, Бетта. Мне кажется, что Ливия вас зовет.

Фульвия. Может быть, она сейчас плачет, что я у нее попросила этот ключ?

Сильвио (*Бетте, которая все еще не ушла*). Да идите же; я вам, кажется, сказал!

Бетта уходит направо.

Фульвия (*сейчас же, с негодованием*). Нет, это уже выше моих сил!

Сильвио. Позволь мне сказать тебе!

Фульвия. Я сама велела перепести к ней в комнату, видя, что она страдает, старинную мебель из нашей спальни, и дала ей ключи от комода!..

Сильвио. Да, но...

Фульвия (*продолжая, со все возрастающей горячностью*). А мне было так важно, так необходимо видеть себя в старинной обстановке!

Сильвио. Но ты должна подумать...

Фульвия (*с живостью и силой*). Я думаю обо всем! Но это, нет! Это выше моих сил! Я сама, собственными руками шила для нее это приданое, когда ждала ее!

Сильвио. Да, да!

Фульвия. Помнишь, ты не хотел? Ты вырывал его у меня из рук! Когда я нашла все эти вещицы вместе с моими прежними платьями, что я перечувствовала, я не могу сказать тебе! Я припала к ним лицом, я вдыхала мою прежнюю чистоту! Я почувствовала, как она оживала во мне, здесь, в горле, я ощутила ее вкус — я плакала над ними и слезами омывала свою душу... (*Обрывая.*) Хорошо! Я отдала их ей, я сама отпела все это у себя...

Сильвио. Но пойми же...

Фульвия (*живо*). Понимаю, понимаю! Но здесь был приказчик. Я хотела показать ему материю одной из этих кофточек. Что тут дурного? Разве и этого я не могу?

Сильвио. Но не в этом дело!

Фульвия. В чем же дело? Потому что она послала

эти вещи, она не хочет, чтобы я сделала такие же точно для будущего ребенка? (*Мрачно и угрожающе.*) Нет, нет, это мы еще посмотрим! О жепе, занявшей чужое место, она может думать, что ей угодно, но мать во мне, знаешь ли, мать она должна уважать!

Сильвио. Но она уважает тебя!

Фульвия. Я ведь говорю не как ее мать, но как мать будущего ребенка! Посмотрим, посмотрим! За это я постою! Ведь это единственное, что удерживает меня в жизни!

Сильвио. Умоляю тебя — не волнуйся так!

Фульвия. Я не волнуюсь, нет! Как много ты сделал, чтобы убить меня. (*Пауза. Потом, тихо качая головой.*) Даже установил день моей смерти!

Сильвио. Да нет же! Она меня как-то спросила...

Фульвия. И ты сейчас же, с готовностью указал дату. И три мессы... Скажи мне откровенно: это ты приказывал этой старой крысе...

Сильвио. Ах, брось, пожалуйста! Я ведь уж говорил тебе, что эта старая дура, может быть, для того чтобы заслужить благосклонность Ливии, нарочно повторяла ей этот рассказ так часто, что в конце концов сама в него поверила.

Фульвия. Что я умерла у нее на руках? (*Смеется.*) Ха-ха-ха! Уж до того дошло, что я сама скоро вместе с тобой буду служить панихиду по себе!

Сильвио. Эти церковные службы — желание Ливии. Она однажды попросила меня, и я не смог ей отказать.

Фульвия. Но ведь ты сам всегда сопровождал ее в церковь.

Сильвио. Чтобы доставить ей удовольствие. Ты ведь знаешь, что вообще я не хожу в церковь.

Фульвия. А сегодня ты пойдешь!

Сильвио. Нет, не пойду.

Фульвия. А я хочу, чтобы ты пошел!

Сильвио. Не пойду, не пойду!

Фульвия. Прощу тебя, не лишай меня этого спектакля. Я по крайней мере посмеюсь! Панихида — по мне! (*Обрывая.*) Я сказала Ливии, что ты пойдешь с ней.

Сильвио. А я только что сказал ей, что не пойду.

Фульвия. Ты сделал это назло мне!

Сильвио. Что?

Фульвия. Чтобы она еще больше меня возненавидела!

Сильвио. Она должна понять и прекрасно понимает, что из уважения к тебе...

Фульвия (*разражается опять веселым смехом*). Из уважения ко мне! Ха-ха-ха!

Сильвио. Тебе весело?

Фульвия. Да, дорогой мой. Мне кажется, это лучше, что я все воспринимаю с комической стороны! (*Смеется.*) Разве ты не находишь смешным, что ты в трауре, с сокрушенным видом, служишь по мне заупокойную мессу, тогда как я еще жива. (*Снова смеется.*) И настаиваю тебе рога!

Сильвио. Ничего тут нет смешного! Я не для себя это делал!

Фульвия (*прерывая его, другим тоном*). Прости, пожалуйста. Теперь ты должен уважать меня!

Сильвио. Почему теперь?

Фульвия. Потому что теперь все дурно складывается для меня!

Сильвио (*твердо, с убеждением*). Но я всем дал понять здесь, что я уважаю тебя.

Фульвия (*с живостью*). Моея? Нет, дорогой мой! Не моя, а твой обман!

Сильвио (*твердо и серьезно*). Прошу тебя верить в мою искренность!

Фульвия. Я верю, я верю. Но что в самом деле ужасно, так это именно искренность твоего обмана! О, оставим это, не заставляй меня продолжать...

Сильвио. Нет, нет, говори!

Фульвия (*еще раз обрывая, другим тоном*). Ты в самом деле желалась мне добра?

Сильвио (*ошеломленный неожиданным вопросом*). Да, конечно!

Фульвия (*быстро и холодно*). Прошу тебя не питать ко мне уважения!

Сильвио. Что ты говоришь?

Фульвия. Да, я повторяю тебе это. Обращайся со мной, как... как с бродячей собакой, которая случайно пристала к тебе...

Сильвио. Ах так! Это было бы великолепно!

Фульвия *(тем же тоном, как будто говорит про кого-то другого)*. Да, да, так, как будто бы ты не мог отделаться от меня и поневоле вынужден был взять к себе в дом. Если бы она поверила этому и, видя, как ты презираешь меня, как унижаешь, и в то же время видя, что я все это переношу с кротостью, со смирением, она, может быть...

Сильвио. Нет, это невозможно!

Фульвия. А, теперь я знаю, ты сделал наоборот. Орел свистит, которым окружена покойница...

Сильвио *(намекая на дочь)*. У нее не было матери... и если я должен был обманывать ее, то уж лучше было для нее и, я думаю, для тебя, чтобы она считала тебя за святую.

Фульвия *(порывисто, но сейчас же сдерживаясь)*. Не говори обо мне! Не говори обо мне! Ты это делал не для меня. Ты поступал так ради себя самого, чтобы как-нибудь успокоить свою совесть, которая тебя мучила. И ты не успокоил ее, потому что никогда нельзя успокоить угрызения совести обманом!

Сильвио. Я просил тебя не говорить больше об этом!

Фульвия. Извини. Ты заставил меня умереть, а потом причислил меня к лику святых и себя самого сделал святым, и все здесь стало свято! *(Обрывая и опять меняя тон.)* Я могу еще допустить, что моя смерть могла быть необходимым обманом, но Ливия была тогда еще такой крошкой! Потом только ты один был с ней, и когда она начала подрастать и задавать вопросы о матери, ты, не открывая ей правды, мог бы дать ей понять, что твой брак был несчастлив!

Сильвио. Так. Значит, я должен был отдать нас ей на суд!

Фульвия. Она бы еще больше полюбила тебя и никого бы не оплакивала.

Сильвио. Но разве я мог предвидеть, что все так произойдет? Прости, но мне кажется это странным. Ты говоришь так, как если бы ты ревновала...

Фульвия. О да, я ревную к сердцу моей дочери!

Сильвио. Но ведь в глубине его живешь ты сама!

Фульвия. Нет, нет! Это неправда. Меня там нет! Я его ощущала, ее сердце, я испытала его! Я мертва для нее, я умерла взаправду, я живая, но для нее я мертва! Но я, конечно, живущая здесь, но та, другая, ее мать. Мне иногда хочется взять ее за плечи (*говорит про Лилию*), потрясти ее, пристально посмотреть ей в глаза и сказать: «Нет! нет! Поверь мне, дорогая моя: она умерла. Мертвые не могут делать зла... Проходит время, от них остается только хорошее. Но смерть тоже, дорогая моя, может оказаться обманом!» (*Дрожь, почти с безумным выражением лица.*) Знаешь ли, как часто ко мне приходит это искушение?

Сильвио. Ради всего святого, Фульвия!

Фульвия. Не бойся. Я думаю об этом не меньше тебя. (*Пауза.*) Еще бы! Конечно, живя в атмосфере, пропитанной благоговением к этой святой душе, ей не могла не показаться ужасной измена. И вдруг, так неожиданно... (*Пауза.*) Случилось то, о чем она думала, чего опасалась... (*Обрывая.*) Но нет, неправда, неправда! Все забывается, ко всему привыкаешь! Тут другая причина — это ревность, ревность! (*Пауза.*) Эта ревность, помимо ее воли, зародилась в ней, как только я вошла сюда. Раньше в ее воображении «она» была просто — она. Но как только я явилась и заняла место около тебя, она воплотилась для нее в ту, «другую», которая заняла место матери. Она из ревности пожелала взять себе все, что принадлежало покойной матери; мебель, все. И сама все отдала ей, мне это казалось справедливым, до того эта ложь сделалась здесь действительностью для всех. И в этой ложь, в этой ложь живет твоя дочь! Ты слышишь — я говорю «твоя». Я даже не считаю больше, что она — моя! Я не чувствую ее своей. Не кажется ли это тебе чудовищным? Надо убить ее, убить эту ложь, потому что я ведь жива, жива, жива!

Сильвио. Умоляю тебя! Умоляю тебя, Фульвия! Ты сама же убедилась, что необходимо молчать, что так лучше даже для тебя.

Фульвия. Даже для меня? Ты хочешь молчать все не для меня, а для того, чтобы не оскорблять память ее матери, вот для чего!

Сильвио. Но ведь это же — ты...

Фульвия. Нет, неправда! Я для нее — «та», «другая», и не могу быть ее матерью. Я дошла до того, что сама уверовала в это! Она мне кажется действительно дочерью той, другой женщины. Это ужасно! С первого же момента, когда я должна была сдержать свой порыв — обнять ее, прижать к своей груди! И слова, приличествующие случаю, которые мне пришлось ей говорить и которые стали обычными для наших теперешних взаимоотношений, слова, вызвавшие ее же поведением, стали теперь правдой, правдой для меня! Я гляжу на нее, на ее манеру пожимать плечами с таким видом... На эти глаза, на этот рот и сама не чувствую больше, что это я дала ей жизнь, как будто действительно здесь была какая-то другая женщина, которая родила ее. Вымысел сделался правдой, и еще какой правдой! Она убила во мне мой материнский инстинкт, мое чувство к ней, и теперь оно утасует. Я чувствую, что оно оживает только для будущего ребенка. Довольно, довольно! Не хочу больше об этом думать! Благоговейте перед вашей покойницей, а меня оставьте жить с новой жизнью, которая во мне!

Сильвио. Не говори так! Ты живешь здесь с ней меньше четырех месяцев...

Фульвия. И все время горю на медленном огне, улыбаясь ей за эту муку... Боже мой, довольно с меня! Не будем об этом больше говорить. *(Пожитесь в шезлонг.)* Это пустые слова, о которых не стоит задумываться. *(Долгая пауза.)* Сегодня ночью я проснулась. Стала думать хладнокровно — это страдание мое, да, оно существует... это ужас моей жизни... Но все же я сплю. И вот, когда я просыпаюсь, я могу рассматривать свои руки при свете розовой лампы.

Сильвио приближается к ней, смотрит на нее.

Что? Ничего, просто я смотрю на свои руки, на кровать, на новую мебель в моей комнате... а жизнь идет, и так много еще других вещей, о которых я могу думать помимо моего горя... *(Немного встряхнувшись.)* И вот я думала сегодня ночью... отгадай, о чем? Ах, как я хотела бы, как я хотела бы быть веселой! А скажи, разве это не доказывает, что я не мерзавка?

Сильвио (который все приближается к ней, продолжая смотреть на нее). Фульвия, что ты говоришь? (Хочет взять ее руку.)

Фульвия (вырывая руку). Уйди. Я знаю, что я тебе правлюсь и с такими волосами!

Сильвио. Фульвия! Тебе так идут они!

Фульвия. Они тебя возбуждают!

Сильвио. Умоляю тебя, не говори так...

Фульвия (с отвращением, видя, как действует на него ее двусмысленная красота). Нет, не таких радостей ищущу!

В это время входит Бетта.

Бетта (в большом волнении, докладывает). Синьор доктор! Синьор доктор!

Сильвио (вздрагивает, застигнутый врасплох в момент интимных переживаний). Что? Что случилось?

Бетта. Тетушка Эрнестина приехала! Тетушка Эрнестина!

Сильвио (страшно недовольный). Как? Где?

Фульвия (с веселым изумлением). Как, тетушка Эрнестина? Разве она еще жива?

Сильвио (желая вернуть ее к роли второй жены). Франческа! (Встает и идет вместе с Беттой в дверь налево.) Где она? Когда приехала?

Фульвия (про себя, в то время как ее муж идет с Беттой). Ах да, я ведь с ней не знакома!

Бетта (отвечая Сильвио). Она приехала в карете, сейчас расплачивается.

Сильвио. Идите скорей. Не пускайте ее сюда. Проводите ее к Ливии.

Бетта. Иду, синьор, иду! Ах, как обрадуется синьорина! (Убегает.)

Сильвио. Не хватало еще и ее сегодня!

Фульвия. Но как же ты послал ее к Ливии? Она все узнает. Она ведь моя тетка!

Сильвио. Конечно, узнает! Но она умеет обращаться с Ливией!

Фульвия. А! И она тоже?

Сильвио. Ты знаешь, как...

Фульвия. Да, да! Возмущенная и оскорбленная в

своим целомудрием, она воспользуется случаем, чтобы выудить у тебя денег, — умерла! Похоронена!

Сильвио. Но как же теперь быть? Если она тебя увидит — сразу узнает. Надо попросить ее сейчас же уехать. Не успел я от нее отделаться, как вот она уже опять тут.

Из двери слышны голоса тетки Эрнестины и Бетты. Через несколько минут дверь открывается, и Эрнестина врывается в комнату, бросается к Сильвио с распростертыми объятиями и трагическим видом. Это худая старуха; она имеет озлобленный вид, больше от порежитых разочарований в чувствах, чем от действительных несчастий; она глуха, как курица, и на лице ее всегда выражение недоумения, как будто она плохо слышит. Но все это притворство, на самом деле у нее прекрасный слух. Волосы ее выкрашены в отвратительный рыжий цвет. Одета в глубокий траур.

Бетта (*Эрнестине*). Извините, не сюда, не сюда!

Эрнестина (*входя*). Впустите меня! Умерла! Умерла! Итак, это правда! Моя бедная племянница!

Сильвио (*в страхе, что Ливия услышит ее крики*). Замошчите, умоляю вас! Я запрещаю вам эти разговоры! (*Бетте*.) Пойдите наверх и не пускайте сюда Ливию!

Бетта поспешно уходит в дверь направо.

Эрнестина. Значит, она умерла, раз ты жепился вторично! Я писала тебе, а ты ничего не ответил!

Сильвио (*с тихим бешенством указывает на Фульвию*). Позвольте представить вам... Но замолчите же наконец!

Эрнестина (*пораженная присутствием Фульвии, не узнает ее и действительно принимает за вторую жену Сильвио*). Прошу прощения, я не заметила вас, сеньора! Я тетюшка первой жены...

Из второй двери выбегает Ливия и протягивает руки к тетке.

Ливия. Тетя! Тетя! Тетя!

Эрнестина. О Ливия! (*Бросается к ней и обнимает ее*.)

Ливия. Тетя! Милая тетя!

Эрнестина. Сиротка моя! Моя бедная сиротка!

Сильвио (*в бешенстве старается оторвать от нее Ливию*). Довольно, довольно! Прекратите эту сцену!

Эрнестина. Да, ты прав. Из уважения к...

Сильвио. Не из-за какого уважения. Но я напоминаю вам, что ваша племянница умерла тринадцать лет тому назад. *(Произносит это многозначительно, чтобы дать понять тетке, что он продолжает поддерживать свою дочь в этом заблуждении.)*

Эрнестина *(ничего не понимая)*. Может быть, да, но для меня — сейчас...

Сильвио. Для вас рана утраты будет всегда казаться свежей, по все-таки вы должны помнить, что для вас, как и для Ливии, это несчастье не вчерашнего дня, и даже не четырехмесячной давности.

Эрнестина *(продолжая не узнавать Фульвию)*. Да, да, вот уже четыре месяца... Извините, синьора!

Ливия *(холодно, высокомерно, вызываясь, подозревая, что отец так сурово обошелся с теткой из-за своей второй жены)*. Пойдем наверх, пойдем ко мне, тетя Эрнестина!

Эрнестина. Хорошо, деточка моя, сироточка моя, пойдем, пойдем! Я вижу, что и ты тоже в черном...

Уходят, обнявшись, направо.

Фульвия *(с ледяным выражением лица)*. Она не узнала меня!

Сильвио. Это моя ошибка, это моя ошибка! Она действительно писала, спрашивала меня!

Фульвия *(с тем же выражением)*. Но ты видишь, она меня не узнала!

Сильвио. Она должна так думать...

Фульвия. Что я на самом деле умерла!

Сильвио. Она думает, что я женился вторично. Я должен был ответить ей, объяснить ей, предупредить ее! Но разве я мог предположить, что она придет опять, после того как я так грубо выгнал ее воп несколько лет тому назад, когда она надоедала мне?

Фульвия. Она вернулась из-за нее *(намекая на Ливию)*, увершая, что найдет в ней союзницу, которая будет держать ее сторону против тебя и меня.

Сильвио. Она жестоко ошибается!

Фульвия. А ты уверен в том, что Ливия не сама вызвала ее?

Сильвио. Да разве ты не видишь, что она приехала неожиданно?

Фульвия (*про себя*). Тетушка Эрнестина, каково! Увидела меня и не узнала.

Сильвио (*направляясь ко второму выходу направо*). И ее отправлю туда, откуда она приехала.

Фульвия (*останавливая его*). Нет, что ты, разве так можно!

Сильвио. Я выгоню ее вон!

Фульвия (*намекая на Ливию*). Но разве ты не заметил, как она стояла здесь с вызывающим видом, думая, что ты груб с теткой из-за меня.

Сильвио. Но я скажу, что это я не желаю, чтобы она оставалась здесь.

Фульвия. А все-таки она будет думать, что это из-за меня. Как будто пазло все здесь складывается против меня.

Сильвио. Что же мне тогда делать?

Фульвия. Как она бросилась к ней на шею: «Тетя, милая тетя!» А эта дура: «Сиротка моя, сироточка». Недоставало только рыданий...

Сильвио. Я не могу быть спокоен, пока она здесь. Надо, чтобы она уехала во что бы то ни стало.

Фульвия. Сделай мне удовольствие, поди с Ливией в церковь, а тетушку пошли сюда, я откроюсь ей...

Сильвио. И заставишь ее немедленно уехать?

Фульвия. Посмотрим, посмотрим.

Сильвио. Нет, нет, я не хочу терпеть, не хочу терпеть ее в своем доме! Она должна уехать!

Фульвия. А если она сможет помочь?

Сильвио. Какую помощь ты можешь ждать от нее? (*Уходит во вторую дверь направо.*)

Фульвия (*одна. Пауза. Задумчиво*). Тетушка Эрнестина — а я думала, что ее нет в живых.

Слева входит Бетта, таща в каждой руке по большому чемодану.

Бетта. Тяжеленько! Тяжеленько!

Фульвия. Это тетушкины чемоданы? (*Поправляясь.*) То есть чемоданы сибьорины Галифи?

Бетта. Она привезла еще и сундук.

Ф у л ь в и я. Значит, она приехала надолго!

Б е т т а. Если судить по вещам. Прикажете нести вещи наверх, в комнату для приезжающих?

Ф у л ь в и я. Да, да, пока.

Бетта уходит с чемоданами во вторую дверь направо. Через несколько минут входит тетушка Эрнестина, взбешенная, ошарашенная, как старая курица, сброшенная с пасада.

Э р н е с т и н а. Можно?

Ф у л ь в и я *(встает и закрывает входную дверь, через которую вошла Эрнестина. Она хочет немного позабавиться над тетушкой, прежде чем открыть ей правду)*. Идите сюда, идите сюда! Садитесь, пожалуйста. Ливия уже ушла? Она, наверное, опоздает!

Э р н е с т и н а *(как на иголках)*. Да, ушла с отцом!

Ф у л ь в и я. Садитесь, садитесь, пожалуйста!

Э р н е с т и н а. Благодарю вас. Ушла в церковь.

Ф у л ь в и я. Что вы сказали?

Э р н е с т и н а. Я говорю, что она ушла в церковь с отцом.

Ф у л ь в и я. Да, да, на заупокойные мессы. Может быть, и вам хочется идти туда, потому что, вы знаете, сегодня *(глядя на нее многозначительно)*, сегодня для дочери годовщина.

Э р н е с т и н а. И вы, синьора, тоже знаете?

Ф у л ь в и я. Как же вы хотите, чтобы я не знала?

Э р н е с т и н а. Но я-то толком ничего не знаю. Она, вероятно, недавно умерла, моя бедная племянница?

Ф у л ь в и я *(смотрит на нее, стараясь скрыть удивление)*. Мне кажется, что уже давно!

Э р н е с т и н а. Я здесь не была почти шесть лет. Ведь я единственная родственница. Кажется, можно было бы сообщить мне. Как же она умерла? Отчего? Когда? Вы, вероятно, знаете, синьора?

Ф у л ь в и я *(качая головой, отвечает)*. Да, я знаю.

Э р н е с т и н а. Скажите, она плохо копчила?

Ф у л ь в и я. Очень плохо, да. *(Пауза.)* Ее убили.

Э р н е с т и н а *(вскакивая в ужасе)*. Убили? Как? Кто ее убил?

Ф у л ь в и я. Тише, ради бога. *(С таинственным видом.)* Никто об этом не знает.

Эрнестина. Убили! Но как убили? Где? В газетах об этом ничего не было.

Фульвия. Здесь. Но о некоторых преступлениях в газетах не пишут. *(Говорит тихо, смотря на нее с загадочным видом, как будто желая поверить тайну.)* Но, пожалуйста, не волнуйтесь!

Эрнестина *(поражена)*. И? *(Еще более растерявшись.)* А как же узнали вы? От вашего мужа?

Фульвия *(утвердительно кивает и потом снова с тем же таинственным видом)*. Он мне во всем сознался!

Эрнестина *(вне себя)*. Оп? О боже мой! Да что это такое?

Фульвия *(тем же тоном)*. Не бойтесь, не бойтесь! Я умею молчать. *(И как бы в подтверждение этому кладет ей руку на плечо.)*

Эрнестина *(в том же тоне)*. Клянусь вам, сипьора, что я ничего не знаю! О боже мой! При чем же здесь он! Каково мне! Ведь я ее тетка!

Фульвия. Хороша тетка! Прошу вас, не играйте передо мной комедию! Я уже сказала вам, что мне все известно!

Эрнестина. И? Комедию? Какую комедию?

Фульвия. Конечно. Вы ведь сообщница.

Эрнестина. Я! Сообщница?

Фульвия. Да, вы.

Эрнестина. Как я, я — сообщница? Но чья?

Фульвия. Как — чья? Убийцы.

Эрнестина. И?!

Фульвия *(не в силах выносить большие комичного вида испуганной и растерянной старухи начинает смеяться, как сумасшедшая. Вдруг подходит к ней близко, откидывает волосы со лба и показывает ей свое лицо)*. Ну посмотри на меня хорошенько, тетя Эрнестина, и скажи правду, разве ты не узнаешь меня?

Эрнестина *(в ужасе откидывается всем телом назад и вытягивает перед собой руки)*. Что? Что?

Фульвия. Это я! Разве ты меня не узнаешь?

Эрнестина. Фульвия! Ты!

Фульвия. Молчи! Теперь я Франческа.

Эрнестина. Но почему?

Фульвия. Почему? Я скажу тебе сейчас почему.

Эрнестина. О боже! Мне кажется, я с ума схожу! Ты здесь — снова!

Фульвия (*делает отрицательный жест пальцем*). Франческа, Франческа.

Эрнестина. Почему? Фульвия?

Фульвия (*по складам*). Фран-чес-ка!

Эрнестина. В самом деле я схожу с ума!

Фульвия (*вдруг обнимая ее*). Бедная тетя Эрнестина! Но это правда, знаешь, правда, что ты в самом деле соучастница! Он сам сказал мне!

Эрнестина. Нет... нет! Уверю тебя, что я...

Фульвия. А за кого в таком случае пошла молиться Ливия?

Эрнестина (*снова ничего не понимает*). Да... я...

Фульвия. Видишь, ты тоже в трауре. Разве это не сообщничество?

Эрнестина. Но я ведь тоже думала, что ты...

Фульвия. А потому вот здесь — синьора Франческа Джелли.

Эрнестина. Дай посмотреть на тебя. Ты знаешь, я тебя совсем не узнаю.

Фульвия. Это из-за крашенных волос. (*Показывает на волосы старухи.*) Как очаровательно, как очаровательно, посмотри только на себя! И я тоже — видишь? И мне говорят, что это просто ослепительно!

Эрнестина. Нет... я... потому, что я седая... Вот из-за волос-то я тебя и не узнала!

Фульвия. А по голосу, а по голосу!

Эрнестина. Что ты хочешь, после тринадцати лет и к тому же я немного глуховата и, наконец, будучи уверена, что ты... сохрани тебя бог, дитя мое... по скажи мне, скажи, как это случилось? Вы должны были совершить для дочери этот новый обман...

Фульвия. Да, я думала...

Эрнестина. Но Ливия, Ливия верит!

Фульвия. Этому верят все!

Эрнестина. Ну и что же!

Фульвия. Но все несчастье в том, что я сама кончила тем, что поверила этому не хуже Бетты.

Эрнестина. Что? О боже мой! Не начинай меня морочить опять!

Ф у л ь в и я. Нет, нет! Теперь я уж к этому привыкла. Ты должна тоже этому поверить, но поверить так... как сказать тебе? — ну, так, как в себя самое!

Э р н е с т и н а. Я понимаю, ради Ливии? Ради людей?

Ф у л ь в и я. Нет, нет! Ради тебя самой, именно тебе самой, потому что ты ее тетка.

Э р н е с т и н а. Чья? Ливии?

Ф у л ь в и я. Нет, той, которая была твоей племянницей! *(Насмешливо.)* Прекрасная племянница, можешь ею похвастаться! *(Пауза.)* Ты раньше делала это из-за денег, но, уверяю тебя, ты должна была бы стыдиться ее.

Э р н е с т и н а *(сбитая с толку)*. Как? Почему?

Ф у л ь в и я. Она вела скверную, отчаянную жизнь! *(Останавливаясь, заметив выражение лица тетки.)* Может быть, ты хочешь защищать ее, после того как...

Э р н е с т и н а. Но, прости меня, я не понимаю! Ты разве не о себе говоришь?

Ф у л ь в и я. Нет, дорогая тетя, я же говорила тебе, что я — синьора Франческа Джелли, и ты и вообразить себе не можешь, с каким злорадством я обливаю грязью эту твою племянницу, ту, которую здесь вознесли в рай и за которую идут молиться все, даже прислуга. *(Вдруг с порывом почти бешеной радости.)* Ты знаешь, я снова буду матерью!

Э р н е с т и н а. Ты? Матерью?

Ф у л ь в и я. Да, действительно, как раньше! Такой же, какой была раньше, такой, какой она, Ливия, меня не знала. О, тетя Эрнестина, поверь, поверь мне! Это настоящее возрождение для меня! Пойми, что я снова чувствую себя матерью, как тогда, когда я ждала ее, да, да, и я чувствую, что такая, какая я есть, — я действительно свята, за все страдания, прежние и настоящие, за все страдания этих четырех месяцев, которые я терпела из-за нее... Ты представить себе не можешь, что это было, что это было...

Э р н е с т и н а. Я представляю себе, представляю... Но, бедняжка, она так поступала по неведению!

Ф у л ь в и я. Да, по неведению, но с какой жестокостью! Холодная, знаешь, как лед, как мрамор! *(Вдруг, глубоко взволнованная, приподнимается и прижимает руки к глазам.)* О боже мой! Опять эти назойливые мысли!

Эрнестина (*удивленная этим неожиданным волнением*). Что с тобой?

Фульвия. Ничего. Я только что говорила об этом с ее отцом... мне надо освободиться от этих мыслей. (*Стараясь вернуть себе гладнокровие.*) Поверь мне, я сделала все, что могла, чтобы заставить ее полюбить меня... не для меня, нет, но чтобы она почувствовала... право, не знаю, как тебе сказать... чтобы она почувствовала, что я... Иногда даже ее выходки заставляют меня внутренне улыбаться, но она заметила это, и если б ты видела, как она тогда мается в лице... Какое мучение! Я могла бы все вынести, потому что я любила ее, как тогда, когда мне было восемнадцать лет... (*Обрывая, как будто какая-то неожиданная мысль пришла ей в голову.*) Да, кстати, ты должна мне сделать одно одолжение, тетя Эрнестина. Я уверена, что она согласится!

Эрнестина. Одолжение? Я?

Фульвия. Да. Ты должна уговорить ее... скажи ей, что это для того, чтобы сделать мне неприятность, — уговори ее надеть как-нибудь на днях мое газево платье с розочками, оно хранится у нее.

Эрнестина. Что ты? Что это тебе вдруг пришло в голову!

Фульвия. Пожалуйста, пожалуйста, тетя! Мне будет так приятно увидеть ее в нем такой, какой я была в ее годы!

Эрнестина. Но что за странная мысль, право!

Фульвия. Правда, она мало на меня похожа...

Эрнестина. Но как же я могу ее уговорить. Она ни за что не согласится!

Фульвия. Да, ты, пожалуйста, права, она сочтет это за святотатство!

Эрнестина. А я? Представь себе только, в каком положении нахожусь я теперь?

Фульвия. Да, да, действительно. Только, пожалуйста, постарайся не выдавать себя. Сильно странно удручен всем этим... Он хочет, чтобы ты сейчас же уехала.

Эрнестина. Как? Сейчас? Сюю же минуту?

Фульвия. Бедная тетя Эрнестина! Приехала, чтобы вместе с племянницей отравлять жизнь этой втершейся в дом чужой женщине.

Эрнестина. Нет, помилуй, что ты говоришь!

Фульвия. Ну, скажи правду, она просила тебя приехать?

Эрнестина. Да нет же, клянусь тебе, я приехала только чтобы узнать...

Фульвия. Ну уж извини, пожалуйста, а сундук? *(Смеется.)*

Эрнестина *(застыгнутая врасплох)*. Сундук... Я его привезла... Но ведь я не могла же себе представить...

Фульвия. Ничего, ничего. Нужно только, чтобы ты ловко притворялась и ничем не выдавала себя.

Эрнестина. Боже мой! Это страшно трудно!

Фульвия. А разве ты не притворялась в течение столько лет?

Эрнестина. Да, но не перед тобой!

Фульвия. Ты все еще не можешь забыть, кем была твоя племянница!

Эрнестина. Боже меня унаси!

Фульвия. Почему?

Эрнестина. Я не могла думать об этом, говоря с Ливией.

Фульвия. Прекрасно, а теперь думай.

Эрнестина *(с ужасом)*. Что ты от меня хочешь? Как же я могу!

Фульвия. Не будь душой! Я не твоя племянница. Ты увидишь. Ливия обходится со мной, как с «такой». Я читаю по ее глазам, что она подозревает обо мне всякие ужасы.

Эрнестина. Что ты! Что ты! Она сама невинность!

Фульвия. Ненависть играет у нее роль дьявола, того, знаешь, на дереве...

Эрнестина. На каком дереве?

Фульвия. Вспомни священную историю, тетя Эрнестина. Дерево познания добра и зла... змий...

Эрнестина *(не понимая)*. Ах!.. да... А твой муж, а твой муж?

Фульвия. Что — мой муж?

Эрнестина. Как он с тобой теперь?

Фульвия *(смущается, смотрит на нее, не решаясь ответить; потом, нахмурившись)*. Он мне противен.

Эрнестина. Знаешь, что он стал...

Ф у л ь в и я. Знаю, знаю, каким он стал, но все-таки, ты понимаешь? Когда мы с ним с глазу на глаз — он жаждет меня такой... понимаешь, такой — искушенной, прошедшей сквозь огонь, воду и медные трубы, — такой, которая бы всю его добродетель смела бы *(делает жест рукой)* к черту.

Э р н е с т и н а *(стыдливо жемаясь, но с живейшим любопытством)*. Не понимаю...

Ф у л ь в и я *(с отвращением)*. Облила бы грязью. А утром, для дочери, он снова натяливает свою личину добродетели, правда, несколько потрепанную. Он такой же, каким был раньше. Но тогда ему по крайней мере не было пятидесяти, и он не корчил из себя святоши. И тогда я не видела его насквозь, как вижу теперь! Извини меня, тетя Эрнестина, ты, собственно, не можешь этого понять.

Э р н е с т и н а *(задетая в своем целомудрии, продолжает, как будто ничего не слышала, прерванный разговор)*. Вот что я хотела сказать: я должна буду как можно меньше видеть тебя, как можно реже быть с тобой...

Ф у л ь в и я. Ты боишься выдать себя?

Э р н е с т и н а. Да, но, может быть, можно было бы понемногу...

Ф у л ь в и я. Нет, нет, невозможно, ведь я уж говорила тебе! А потом эти тринадцать лет — ведь они были на самом деле? И как она озлоблена... Это было бы ужасно для нее! Я так убеждена в этом, что не вижу никакой возможности... *(Повелительным шепотом.)* Молчи!

Входит Бетта.

Б е т т а. Сеньора, пришел сеньор профессор Чезарино.

Ф у л ь в и я. Ах, Ливия ведь сегодня не будет брать урока, надо было бы предупредить его!

Б е т т а. Да, но сеньора ведь знает, что они приходят также для того, чтобы... *(Показывает жестом, что они приходят поесть.)*

Ф у л ь в и я. И сеньора Барберина пришла?

Б е т т а. Да, сеньора. Оба они здесь. Сейчас они отряхивают пыль, совсем испотели от жары.

Ф у л ь в и я. Бедняжки! Попросите их войти!

Бетта уходит.

Ф у л ь в и я (*подходит к тетке*). Ну, смотри, следи за собой, тетя Эрнестина!

Входит Чезаре и его жена Барберина, два комических персонажа. Он очень высокого роста, лысый, но вокруг лысины в виде венка седые густые волосы, которые падают ему на уши. Лицо его багровое от жары, так как они пришли пешком. На нем очень широкий чезучевый новый костюм, очевидно сшитый женой. Не только брюки, но и рукава пиджака засучены, наверное тоже от жары. В руках он держит большой носовой платок, мокрый от пота. Синьора Барберина, коренастая и вся какая-то пеленая. Кажется, что она всегда как на иголках из-за чрезмерной живости мужа. Светлое платье на ней контрастирует со смуглым добродушным лицом. На голове большая, яркая соломенная шляпа, одетая набок, что придает ей еще более комичный вид.

Барберина (*входя слева*). Можно?

Ф у л ь в и я. Пожалуйте, пожалуйста, синьора Барберина!

Барберина. Приветствую вас, синьора!

Чезаринно (*кланяясь и засучивая еще выше рукава*). Почтеннейшая синьора!

Ф у л ь в и я (*представляет их*). Синьор Чезаринно Рота, учитель музыки Ливии, синьора Барберина, его супруга, синьорина Галифи, родственница Ливии.

Обоюдные поклоны.

Ф у л ь в и я. Прошу вас, садитесь.

Чезаринно. Ну и жара, какая жара, синьора... какое наслаждение здесь у вас... Ох, пылица!

Барберина (*заметив, что он вошел с засученными рукавами и брюками, с ужасом*). Чезаринно!

Чезаринно (*не понимая*). Что такое?

Барберина. Боже мой! Кто же входит в таком виде!

Чезаринно (*поняв, начинает сейчас же отворачивать брюки*). Ах, да! Извините! (*Из брюк выпадает на ковер комок земли*.) Посмотрите, пожалуйста, сколько пыли!

Барберина. По выйди же по крайней мере!

Чезаринно (*сейчас же вставая и направляясь к двери налево*). Да, да, в самом деле, извините, извините! (*Выходит.*)

Барберина. Прошу вас, извините, синьора...

Фульвия. Пустяки, пустяки!

Барберина. Он такой рассеянный, вы себе представить не можете!

Фульвия. Как все артисты.

Барберина. Правда, по дороге...

Фульвия. Мне, право, так жаль, что...

Чезарино *(входя)*. Вот и я. *(Сейчас же машинально начинает снова засучивать рукава.)* А моя ученица?

Фульвия. Я как раз только что хотела сказать синьору Чезарино... мне так жаль, что Ливия...

Чезарино. Может быть, она нездорова?

Фульвия. Нет, она пошла с отцом в церковь.

Чезарино *(очень озабоченно, так как занимает должность органиста)*. А что сегодня? Какая служба? Боже мой, Барберина?!

Фульвия. Успокойтесь, успокойтесь, это заказанная заупокойная месса. Сегодня *(Эрнестине)*, скажите лучше вы, синьорица, двенадцатая или тринадцатая годовщина?

Эрнестина *(ошеломленная, как бы падая с облаков)*. Я? В чем дело? Я не знаю.

Фульвия. Я спрашиваю вас, которая годовщина...

Чезарино *(сейчас же припоминая)*. Ах да, смерти...

Барберина *(с сокрушенным видом)*. Ее матери!

Фульвия *(также с сокрушенным видом указывая на Эрнестину)*. Да, племянницы синьорицы.

Эрнестина *(приходя в себя от изумления, с живостью)*. Да, да... сегодня годовщина!

Фульвия. Тринадцатая, правда?

Эрнестина. Да, да, тринадцатая... тринадцатая.

Чезарино. Скажите пожалуйста...

Барберина. Мы не знали... Пожалуйста, извините, мы бы не пришли...

Фульвия. Ничего, ничего, мы забыли предупредить вас...

Барберина. Мне так пеловко, право. *(Делает вид, что хочет встать.)* Мы...

Фульвия *(останавливая ее)*. Нет, нет, не уходите. *(Эрнестине.)* Я думаю, что Ливия не будет играть сегодня...

Чезаринно. Почему же? Ведь прошло уже тринадцать лет...

Барберина (*взвизгивая*). Чезаринно! Разве ты не видишь, что здесь... (*Указывает на все еще растерянную Эрнестину, которая не знает, как себя держать.*)

Чезаринно. Pardon, pardon.

Барберина. Разве ты не видишь, что тетушка еще в трауре!

Фульвия. Потому что она любила ее, как родную дочь!

Чезаринно. Конечно, конечно. (*Эрнестине.*) Вы сейчас приехали павестить дочь своей племянницы. А?

Эрнестина. Да, да, я приехала...

Чезаринно. Специально в этот день грустных воспоминаний...

Эрнестина (*не знает, что ей ответить*). Да... именно... да...

Барберина. Я думаю, все-таки нам лучше...

Фульвия. Нет! Мне кажется, что Ливии не будет неприятно, если вы останетесь с нами, по обыкновению, пообедать. К тому же она забыла предупредить, чтобы вы не приходили, но здесь ее тетушка, пусть она скажет.

Эрнестина. Что? Что я должна сказать?

Фульвия. Никто лучше вас не может знать настроения Ливии...

Эрнестина (*сбитая с толку, стараясь взять себя в руки*). Да... да... понятно... понятно... но я сама здесь только гостя...

Фульвия. Ну, тогда я беру на себя, и прошу вас, сеньор профессор, и вас, сеньора, остаться. Я не могу допустить, чтобы вы возвращались по такой жаре...

Чезаринно. Сейчас уже час пополудни...

Фульвия. Как? Уже? Значит, через несколько минут они будут дома.

Чезаринно. В один миг прикатят на автомобиле! Какая прелесть! Честное слово, сеньора, если бы нам сейчас пришлось возвращаться домой по этой жаре пепелом, мы бы, паверно, умерли!

Фульвия (*вставая*). Нет, нет — прошу вас, пойдите отдохнуть.

Все встают.

Ф у л ь в и я. Пройдите, пожалуйста, в ту комнату, где мы обыкновенно отдыхаете. *(Показывает на первую дверь направо.)*

Б а р б е р и н а. Благодарю вас, если позволите, я сниму шляпу.

Чезарино. А я, если вы мне позволите, синьора... и хотел бы сегодня настроить рояль...

Б а р б е р и н а. Что ты, Чезарино? Разве ты не слышал, что сегодня нельзя играть?

Чезарино. Настраивать — это не играть.

Ф у л ь в и я. Хорошо, синьор Чезарино, после обеда.

Чезарино. Вот и прекрасно. А теперь, если разрешите, я пойду отдохну. *(Уходит вместе с женой в первую дверь направо.)*

Эрнестина *(отчаянно, с видом сумасшедшей)*. Нет! Нет! Нет! Я уезжаю! Я больше не в состоянии!

Ф у л ь в и я *(улыбаясь)*. Вижу, вижу, тетушка!

Эрнестина. Что ты видишь? Я не могу больше! Сейчас же, сию минуту я уезжаю!

В этот момент слышится голос Бетты за дверью налево: «Вот они возвращаются».

И пойду наверх, я пойду собираться, я уезжаю, я уезжаю!

Эрнестина быстро уходит направо и почти в то же время слева входит Сильвио.

С и л ь в и о *(с беспокойством, намекая на отъезд Эрнестины)*. Ну, что?

Ф у л ь в и я *(смотрит на дверь налево, потом спрашивает)*. А Ливия?

С и л ь в и о. Она пошла кругом, она, наверное, наверху. Что ты сделала?

Ф у л ь в и я. Опа уезжает! По своему желанию...

С и л ь в и о. Сегодня?

Ф у л ь в и я. Не знаю, сегодня... завтра... Она сама считает, что ей нельзя оставаться.

С и л ь в и о. Ну и прекрасно! Но я не хотел бы, чтобы сегодня за обедом...

Ф у л ь в и я. К счастью, у нас профессор с женой.

С и л ь в и о *(показывая на первую дверь направо)*. Они там?

Ф у л ь в и я. Да. Иди, иди поскорей, через несколько минут подадут обедать.

С и л ь в и о уходит в дверь направо. Через несколько минут из второй двери справа входит Л и в и я, мрачная, нахмуренная; она решительно направляется к Фульвии.

Л и в и я. Это ты приказала тете Эрнестине уехать?

Ф у л ь в и я (*очень огорчена ее настроением*). Нет, милая, не я...

Л и в и я. А почему же она уезжает, не успев приехать?

Ф у л ь в и я. Не знаю... Никто ей ничего не говорил, она сама...

Л и в и я. Она сама? Это невозможно!

Ф у л ь в и я. Все-таки, я тебе повторяю, что она...

Л и в и я. Но сегодня утром, по приезде, она сказала мне, что собирается остаться надолго.

Ф у л ь в и я. Я знаю это, мне сказали, что она привезла с собой сундук...

Л и в и я. Вот видишь...

Ф у л ь в и я. Уверяю тебя, что касается меня, то я ничего не имею против нее. Я даже сказала твоему отцу, что мне доставило бы удовольствие, если б она осталась.

Л и в и я. А, так, значит, это он! (*Высокомерно, холодно глядя ей в глаза.*) Но почему?

Ф у л ь в и я. Я тут ни при чем, поверь мне, Ливия... Я знаю, ты подозреваешь, что это из-за меня?

Л и в и я. Подозреваю? Мне кажется, что это ясно.

Ф у л ь в и я. Нет, извини, пожалуйста. Прошу тебя вспомнить, что он уже раз заставил ее уехать, когда меня здесь еще не было. Она сама мне рассказала это.

Л и в и я. Да, это правда. Но сейчас совсем другое.

Ф у л ь в и я (*огорченная, с еще большей мягкостью*). Ты хочешь сказать — потому что я здесь? Я говорила твоему отцу, что ты будешь обвинять именно меня.

Л и в и я. Но все-таки ты просила ее уехать!

Ф у л ь в и я. Я вовсе не просила, никто не просил ее. Что ты хочешь от меня? Если она решилась уехать так, вдруг, то это, может быть, потому, что, познакомившись со мной, она почувствовала ко мне антипатию, отвращение. Очевидно, уж такая судьба моя здесь, хотя, кажется, я делаю все, что могу. И ты, если бы ты была немного спра-

недливее ко мне, признала бы это. Поверь, я была с ней очень любезна, но мне говорили, что она всегда была с причудами.

Ливия. Я ее очень люблю.

Фульвия. Верю. Именно потому-то я и была с ней очень любезна. Честное слово. Мы даже шутили с ней... Прямо не могу понять, на что она могла обидеться. *(Стараясь обратить все в шутку, намекая на комичный вид тетки.)* Может быть, знаешь почему? *(Наклоняется, улыбаясь, к Ливии и показывая ей на свои волосы, поднимает рукой прядь волос.)* Эти волосы...

Ливия. Я не понимаю, что ты хочешь сказать...

Фульвия. Ты знаешь, у нее тоже крашенные волосы, она так сурово смотрела на мои... Может быть, она боится, что ее краска теряет по сравнению с моей. Ты еще не можешь понять некоторых слабостей...

Ливия *(холодно и резко)*. Конечно. Но лучше мне и не понимать их.

Фульвия *(понимая, что презрение Ливии относится к ней)*. Так знай же, что я продолжаю красить волосы ради тебя.

Ливия *(с отвращением)*. Ради меня?

Фульвия. Да, именно, по совету твоего отца.

Ливия. Не понимаю.

Фульвия. Я знаю, что ты не понимаешь, но представь себе, что у меня натуральный цвет волос точь-в-точь как у тебя! Точь-в-точь!

Ливия. Ну и что же из этого?

Фульвия. Ведь ты думаешь, что цвет волос ты унаследовала от матери.

Ливия *(кладя обе руки на голову, как бы для того, чтобы защитить волосы своей матери от глаз Фульвии)*. Я знаю это...

Фульвия. Тебе сказал это твой отец. Вот потому-то, вопреки своему желанию, я и продолжаю красить мои волосы. *(Под влиянием вдруг нахлынувших воспоминаний о своей молодости, растроганная, с робким желанием.)* Я смотрю на твои нежные завитки на затылке, и мне так хочется взять их тихонько, чтобы не сделать тебе больно, и навить их себе на палец.

Ливия вздрагивает от отвращения.

Ф у л ь в и я (*заметив это, почти с жалостью к самой себе, с неопределенной улыбкой*). Ты, кажется, чувствуешь щемотку уже от одних моих слов.

Л и в и я (*отходя от нее, порывисто*). Нет.

Ф у л ь в и я. Тебе противны мои пальцы? Да, конечно, ведь ты представляешь себе, что твоя мать ласкала тебя именно так, когда ты была маленькой.

Л и в и я, закрывая лицо руками, рыдает. Из первой двери справа входит С и л ь в и о, который, вероятно, подслушивал.

С и л ь в и о. Ливия, что с тобой?

Ф у л ь в и я (*быстро*). Ничего, ничего. Она плачет, потому что уезжает тетка. Ты должен обязательно уговорить ее остаться.

С и л ь в и о. Хорошо, хорошо, посмотрим...

Ф у л ь в и я. Она должна остаться, я говорю тебе, она должна остаться.

С и л ь в и о. Хорошо, пусть останется, но Ливия прекрасно знает (*подходит к Ливии и обнимает ее*), что эта тетушка совсем не стоит ее слез...

Л и в и я (*цепляясь за отца, с какой-то судорогой ненависти и отвержения*). Я плачу совсем не потому, не потому!

С и л ь в и о (*прижимая Ливию к груди, строго смотрит на Фульвию*). Тогда почему же?

Ф у л ь в и я (*разводит в отчаянии руками, смотря как бы издалека*). Я не знаю...

После небольшой паузы, из первой двери справа входит Б е т т а и останавливается на пороге.

Б е т т а. Кушать подано. (*Уходит.*)

С и л ь в и о. Ну успокойся, успокойся, Ливия, будет, пойдем, у нас гости... нехорошо, если они заметят...

Л и в и я (*сдерживаясь*). Да, да, сейчас...

С и л ь в и о. Ну, вытри твои глазки. (*Идет, обнимая Ливию, к выходу. Оборачиваясь к Фульвии.*) Пойдем.

Ф у л ь в и я (*разводя руками и вздыхая*). Иду.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же сцена, что и во втором действии. Полгода спустя. Февраль. Вечер. На сцене Ливия и тетка Эрнестина. Обе больные не в трауре. Ливия в сильном беспокойстве сидит за столом, на котором разложены книги и журналы. Она перелистывает их. Тетка ходит взад и вперед по комнате, чтобы согреться.

Эрнестина. Казалось бы, что должна наступить хорошая погода, а она, наоборот, портится. *(Пауза.)* Бррр... какой холод здесь... *(Пауза.)* Тебе не холодно?

Ливия *(отбрасывая журнал, резко)*. Нет.

Эрнестина. Какая ты счастливая! *(Пауза; потирает руки.)* Февраль, февраль... Путешествовать по такому холоду с поворожденным ребенком... *(Пауза.)* Но скажи, пожалуйста, куда запропастилась Ветта?

Ливия. Не знаю.

Эрнестина. Вот уж больше четырех часов, как она ушла. Мне кажется, ей следовало бы приготовить что-нибудь к их приезду; ведь еще ничего не готово.

Ливия *(поднимаясь, с негодованием)*. Все готово! *(Потом, после паузы.)* Я думаю, что ты могла бы опять, как меня возмущает твоя заботливость!

Эрнестина *(улыбаясь, великодушно)*. Ты-то не помнишь, а я помню, какая была радость, когда ты родилась...

Ливия. При чем тут я?

Эрнестина. Все-таки это твоя сестренка.

Ливия *(не сдержавшись)*. Дура!

Длинная пауза. Ливия все время треплет книгу, которую она взяла после журнала, несколько раз прерывается что-то сказать тетке, но, переполненная ненавистью, сдерживается.

Эрнестина *(вздыхая)*. Ну, вот...

Ливия. Это невероятно! Как можешь ты, ты вспоминать сейчас мое рождение, радость моей матери! Это невероятно! Это невероятно!

Эрнестина. Начнется новая жизнь... А здесь она так необходима.

Ливия. Я дождусь кое-чего, а потом оставлю тебя здесь, раз уж ты стала союзницей с новой жизнью, которая здесь начнется.

Эрнестина. Чего ты хочешь дождаться?

Ливия. Это уж позволь мне знать.

Эрнестина. Теперь и ты вошла во вкус этой таинственности, говоришь со мной загадками. Ты сказала, что оставишь меня здесь; значит, ты собираешься уехать?

Ливия *(с тоской)*. Довольно, тетя Эрнестина; я не желаю больше говорить с тобой.

Эрнестина *(после паузы)*. Но у тебя есть отец, который тебя так любит, так о тебе заботится...

Ливия *(страстно, со злобой)*. Довольно! Замолчи! Разве ты не понимаешь, что я не могу слышать, когда ты так говоришь?

Эрнестина. Я молчу. *(После долгой паузы, не в силах сдерживаться, начинает снова.)* Но все-таки некоторые мысли я посоветовала бы тебе выбросить из головы *(пауза)*, потому что это предубеждение, поверь мне, только предубеждение...

Ливия *(прерывает ее)*. Боже мой! Она опять!

Эрнестина *(недовольно)*. Ты говоришь, что я стала союзницей... Я ведь приехала специально для тебя.

Ливия. Чтобы защищать меня, конечно!

Эрнестина. Чтобы защищать тебя! Чтобы защищать тебя!

Ливия. А сейчас защищаешь ее!

Эрнестина. Но я вовсе не защищаю ее; я только справедлива. Я вижу, что это ты не хочешь сложить оружие.

Ливия *(с живостью, дерзко)*. Но ты... Тебе известно, какую женщину ввел в наш дом отец!

Эрнестина *(ошеломленная)*. Кто? Какую женщину?

Л и в и я. Подожди, подожди; надеюсь, что я скоро сумею объяснить тебе это.

Э р н е с т и н а (*придя в себя, со сдержанным упреком*). Но что ты думаешь, чего ты доискиваешься? Успокойся, дитя мое, и поверь мне, она много страдала...

Л и в и я. Страдала? Это заметно по ее волосам.

Э р н е с т и н а. Поверь мне, поверь мне... (*С комическим жестом, вспоминая свои крашенные волосы.*) При чем тут волосы?

Л и в и я. Я узнала, как он привез ее сюда.

Э р н е с т и н а. Боже мой, ведь он знал же ее...

Л и в и я (*быстро*). Еще до моего рождения. Потом он забыл ее, он забыл. Его — вызвали... Он поехал спасать ее... (*Вдруг останавливается.*) Подожди, я говорю тебе... Я могу дать самые точные сведения...

Э р н е с т и н а. Ты навела справки?

Л и в и я. Не твоё дело.

Э р н е с т и н а. Ты справлялась у священника?

Л и в и я. Тут-то мы и увидим, как заботился обо мне отец! Он все это время в каком-то первом напряжении, чего-то опасается, оглядывается направо, .. налево... О, я знаю, чего он боится.

Э р н е с т и н а. Ничего ты не можешь знать! Просто он беспокоится о тебе.

Л и в и я. Да, да. Он боится, чтобы я не узнала! Двух месяцев не прошло, как он уехал, а уж восемь раз возвращался.

Э р н е с т и н а. Чтобы повидаться с тобой, чтобы хоть день побыть с тобой.

Л и в и я. Нет, нет, вовсе не потому. Он ничем больше не может заниматься, он опустил... Чтобы не сказать больше... В пятьдесят лет связаться с такой женщиной, как эта! — Почему он не женился на ней раньше, если он так давно знаком с ней?

Э р н е с т и н а. Может быть, он раньше не мог.

Л и в и я. Она не была замужем, он был вдовцом, почему не мог?

Э р н е с т и н а. Что ты в этом понимаешь! Возможно, он не хотел жениться из-за тебя же.

Л и в и я. Из-за меня! Для меня было бы лучше, если бы он это сделал раньше, пока я еще ничего не понимала!

Эрнестина. Ну тогда, паверное, была какая-нибудь другая причина, печего тебе доискиваться!

Ливия. Ты хочешь сказать, из-за моей матери? Нет, больше всего меня возмущает то, что я ясно вижу, что эта любовь у него смолоду, еще при жизни моей матери; это оскорбляет память моей матери! Мне кажется, у меня такое впечатление, что он обманывает ее сейчас! Мне кажется, что моя мать после тринадцати лет возвращается и оживает, чтобы страдать при виде их любви! За это, за это я ненавижу эту женщину, особенно тогда, когда она старается относиться ко мне, как мать! Она возбуждает во мне ужас, отвращение! Как будто, говоря со мной, смотря на меня, она всякий раз обманывает мою мать!

Эрнестина. Что ты говоришь! Ты сходишь с ума! Подумать только, какие мысли в голове у этой девчонки! Боже мой, грех так думать!

Ливия. Да, да, ты увидишь, что я еще сделаю!

Эрнестина. Какое счастье, что твой отец возвращается сегодня вечером!

Ливия. И привезет с собой сестренку?

Эрнестина. Я хотела уехать, теперь я раскаиваюсь что я этого не сделала! Но как только они вернутся... Да да, я прежде всего ценю свой покой...

Ливия. А как же, ведь тут начнется новая жизнь...

Эрнестина. Я говорила для тебя! Для меня уже все кончено! Я старуха. Одни неприятности!

Ливия. Да, для меня тоже начнется новая жизнь!

Эрнестина *(качая головой)*. Перестань ты наконец! *(Долгая пауза. Идет на веранду, смотрит в сад.)* Но посмотри, пожалуйста, калитка опять открыта.

Ливия. Паверное, садовник забыл запереть. Он, должно быть, где-нибудь поблизости, в саду.

Эрнестина. Да, но уже темнеет... И такая погода! Бетты все еще нет. Мне, право, становится жутко.

Ливия. Ты думаешь о том синьоре, который в прошлый раз...

Эрнестина. Он как раз стоял там, перед калиткой,— помнишь?

Ливия. И что-то высматривал, да? Мне страшно, что ты его не знаешь.

Эрнестина. Откуда мне его знать?

Ливия. Но он говорил тебе, что знает маму?

Эрнестина. Он, наверное, нарочно сказал. Он хотел сделать вид, что знает хозяйку дома, увидел тебя у окна и сказал «мама», указывая на тебя!..

Ливия. Так ты предполагаешь, что он говорил о той женщине?

Эрнестина *(взволнованно)*. Ах, ты все со своими розысками!

Ливия. Нет, нет, я уже об этом забыла, если бы ты мне не напомнила. Но, может быть, этот господин тоже что-нибудь откроет... Приезжает сюда неизвестно откуда, ищет ее...

Эрнестина. Может быть, он с ней где-нибудь встретился!

Ливия. Кто его знает...

Эрнестина. Ливия, прошу тебя, хоть при мне не говори так, потому что в мое время молодые девушки...

Ливия. Ну, полно, тетя! «Молодые девушки»? Неужели ты думаешь, что я не понимаю, какого сорта эта женщина. И кто этот кавалер! Он был даже без пальто! Он сказал тебе, что придет еще?

Эрнестина. Да, он сказал, что будет ждать ее возвращения.

Ливия. Значит, придет сегодня! *(Про себя.)* Я хотела бы поговорить с ним.

Эрнестина *(после минутного размышления, решительно)*. Послушай, я пойду закрою калитку. *(Хочет идти.)*

Ливия. Нет, тетя, не надо. Садовник тогда не сможет войти.

Эрнестина. У него, наверное, есть ключ. *(Спускается с веранды в сад.)*

Ливия остается в глубокой задумчивости. Через несколько минут возвращается продрогная тетка Эрнестина.

Эрнестина *(входя)*. Сегодня прямо-таки мороз.

Ливия *(после паузы, все еще в задумчивости)*. Не кажется ли тебе странным, что папа, желая отдохнуть, выбрал именно это место и что вот уже семь месяцев мы здесь, а ни с кем еще не познакомились?

Эрнестина. Да, в самом деле! Он выбрал скверное место. Такая глушь! *(Говорит это, потирая от холода руки, которые держит на груди. Вдруг вздрагивает от сильного удара, раздавшегося слева во входную дверь.)* О боже мой.

Ливия. Что с тобой?

Эрнестина. Разве ты не слышала?

Бетта, закутанная, в старой шляпе, входит слева.

Ливия *(смеясь)*. Ах, это Бетта.

Бетта *(не понимая ни причины их испуга, ни смеха)*. Что случилось?

Эрнестина. Закройте двери. Как я испугалась! *(Бетте.)* Очень холодно?

Бетта. Сейчас пойдет дождь.

Эрнестина. Я умираю от холода, пойду наверх, принесу себе шаль. *(Уходит через вторую дверь направо.)*

Бетта *(сейчас же подходит с таинственным видом к Ливии; тихо, жестикулируя)*. Ясно как день! Никаких сомнений!

Ливия *(тревожно)*. Говорите, говорите!

Бетта. Он не мог прийти сюда, боялся скандала!

Ливия. Ответ пришел?

Бетта. Да, уже два дня тому назад. Он боялся прийти сюда, ждал меня, бедный старик!

Ливия. Ну? Значит, ничего?

Бетта. Ничего. Никакого оглашения в церкви, ни в Мерате, ни в Лоди. Никакой записи в комиссариате!

Ливия. Так, значит?

Бетта. Ясно как день, что брака не было. Она не его жена. Они не жепаты!

Ливия. Но, может быть, достаточно было свидетельства о смерти моей матери?

Бетта. Нет, нет, для вдовца тоже нужно оглашение, ведь в течение тринадцати лет он мог бы несколько раз жениться. Ничего нет! Они не венчаны! Вы можете быть уверены!

Ливия. Да, да. Это должно быть так!

Бетта. Теперь все ясно, вот почему она не хотела рожать здесь, а уехала так далеко! Здесь она должна была бы зарегистрировать рождение ребенка, и таким

образом все бы открылось! Все бы узнали, что она не жена, что ребенок незаконный! Но все равно, через несколько дней и так все выяснится.

Ливия. Мне больше ничего не надо! С меня достаточно и этого!

Бетта. Да разве господа так поступают!

Ливия (*с ненавистью думая об отце*). Он мог сделать это...

Бетта. Ну и ловкие же эти женщины! И святого проведут!

Ливия. Не постыдился привести ее в собственный дом, поселить ее под той же крышей! Заставил меня называть ее мамой!

Бетта. Да, тут я ничего не понимаю!

Ливия. Но теперь! (*Тихо.*) Молчи!

Через вторую дверь справа входит тетка Эрнестина в накинутой на плечи шали.

Эрнестина. Надо зажечь здесь свет, стало совсем темно.

Ливия (*Бетте*). Пойдем наверх, пойдем наверх!

Ливия и Бетта уходят через вторую дверь направо.

Эрнестина (*проводящая их глазами*). Что с ними? Где пропала эта старая сплетница? (*Задумывается, потом вздыхает.*) Ну и история! Зажгу-ка я свет. (*Подходит к двери слева, чтобы зажечь электричество.*)

В это время Маури, который вошел в сад, прежде чем Эрнестина закрыла калитку, входит с веранды. Он очень постарел за этот год, но глаза его еще более живые, чем прежде, в них светится трагическая веселость сумасшедшего. Он без пальто, в старом летнем костюме. Остается в тени около веранды.

Маури (*как только тетюшка зажгла огонь*). Разрешите?

Эрнестина (*поворачиваясь с ужасом, держа руку на шпеселе*). О боже мой, кто там?

Маури. Это я. Не пугайтесь, пожалуйста.

Эрнестина. Вы вошли как вор! Как вы сюда попали?

Маури. Я вошел через калитку, прежде чем вы ее закрыли.

Эрнестина. Вы подстерегали меня?

Маури. Воры, синьора, не спрашивают разрешения войти и не дожидаются, пока зажгут свет.

Эрнестина. Но кто вы? Что вам здесь надо?

Маури. Вы, паверное, забыли... Я в прошлый раз говорил вам...

Эрнестина. Но они еще не приехали!

Маури. Вы мне сказали, что они приедут сегодня.

Эрнестина. Но их еще нет, и я не знаю, когда они приедут. Уходите, пожалуйста.

Маури. Нет, я подожду. Или скажите мне лучше, где я могу найти их сейчас. Я думаю, что это было бы лучше, потому что здесь...

Эрнестина. Сейчас они в дороге, я уже говорила вам! *(Смотрит на него с любопытством, но все еще сурово и подозрительно.)* Но что вам надо от нее? Почему вы хотите дождаться ее? Как вас зовут?

Маури. Вам совершенно бесполезно знать мое имя. Мне необходимо видеть ее, говорить с ней. *(Намекая на Фульвию.)* Она знает меня, и муж ее тоже знает. Вы, паверное, ее родственница?

Эрнестина. Да, я тетка.

Маури *(смотрит на нее недоверчиво)*. Чья тетка?

Эрнестина *(уклончиво, так как этот вопрос возбуждал в ней подозрение)*. Тетка... тетка... вернее, родственница дочери.

Маури. Со стороны отца?

Эрнестина *(не подумав, смущенно)*. Нет — со стороны матери.

Маури. Значит, тогда... *(Снохватившись.)* Да нет! Не может быть! У нее была только одна тетка!

Эрнестина *(подстрекаемая любопытством)*. Ну да, это не есть я, я.

Маури *(смотрит на нее весело, растроганно и говорит тихо и радостно)*. Тетушка Эрнестина! Так, значит, вы — тетушка Эрнестина? А Фульвия думала, что вы умерли!

Эрнестина. Тише, тише, умоляю вас!

Маури *(тихо и таинственно)*. Итак, ее здесь продолжают считать умершей. *(Говорит это радостно, приложив палец ко рту и закусив нижнюю губу.)* Для Ливии

оо все еще нет в живых? *(Глубоко вздыхает.)* Ах, как я счастлив! Какое облегчение для меня! Какое облегчение! Я только этого и боялся, боялся, чтобы здесь все не выяснилось... *(Вдруг бурно обнимает тетюшку.)* Ну, тогда помогите мне, помогите мне, тетюшка Эрнестина! Вы, которая знаете все эти муки...

Эрнестина *(испуганно, стараясь освободиться от него)*. Вы сошли с ума! Я вас совершенно не знаю!

Маури. Да, да, вы меня не знаете, но я говорю про эти муки...

Эрнестина *(тем же тоном)*. Какие муки? Чьи муки?

Маури. Фульвии! Фульвии!

Эрнестина. Ничего не понимаю! Пустите меня! *(Старается вырваться от него.)* Я буду кричать!

Маури. Ее нет в живых для дочери!

Эрнестина. Но у нее сейчас родилась другая дочь, вот уж месяц тому назад!

Маури *(с веселой беснечностью)*. Это все равно! Это все равно!

Эрнестина. Как это — все равно?

Маури. Я знаю это! Все равно! — Она уже тогда ждала этого ребенка, и все-таки хотела уехать со мной! — Это ничего... Тут была минутная слабость, она уступила ему! Если бы вы только знали, тетюшка Эрнестина, как все это случилось! А!.. *(С перекошенным лицом машет руками, потом широко открывает глаза, бледнеет, кажется, что у него кружится голова, и он вот-вот упадет.)*

Эрнестина в страшнейшем испуге.

Ничего... ничего... *(Смеется.)* Все утро стараюсь и не могу вспомнить, как называлась в древности эта река...

Эрнестина. Какая река?

Маури. Ах, наконец вспомнил! Лета! Да, да — Лета. *(Пониженным голосом.)* Река забвения.

Эрнестина. Вы, кажется, пьяны!

Маури. Нет. Правда, эта река течет теперь в кабаках, но я не пьян! И вот уж сколько ночей не сплю, дорогая тетюшка Эрнестина! Вы знаете, мне кажется, что у меня глаза... что веки мои, как арки моста, переброшенного через пересохшую речку, русло которой полно мел-

ких камушков, и там кричат, кричат кузнечики, да! А в ушах у меня два проклятых кузнечика, которые кричат, так кричат, что прямо сводят меня с ума! Ах, наконец-то я могу говорить, говорить с вами! Не правда ли, я хорошо говорю? Когда-то, когда я был в деревне, я мечтал, что меня изберут адвокатом; я тогда придумывал разные темы и говорил речи в лесу: «сильоры судья и синьоры присяжные...» А я все говорю, говорю, простите меня, но я не могу остановиться, я, кажется, с ума схожу, это от радости, я готов кричать от счастья, что я увижу ее!.. Фульвия вам, безусловно, говорила обо мне?

Эрнестина. Нет, никогда. Я не знаю, кто вы!

Маури. Но это невозможно! Разве она не говорила вам, что она хотела лишиться себя жизни из-за меня, год тому назад?

Эрнестина. Да, она говорила мне...

Маури. А про меня она вам ничего не говорила?

Эрнестина. Она говорила мне, что не в силах была больше выносить такую жизнь.

Маури. Нет, неправда! Она хотела лишиться себя жизни из-за меня! Она отрицает это, но это так!

Эрнестина (*смотрит на него испуганно, но все же со снисходительной жалостью*). Из-за вас?

Маури (*с досадой*). Прошу вас, не смотрите на мой костюм!

Эрнестина (*как бы оправдываясь*). Нет, я смотрю на вас... я смотрю на вас, так...

Маури. Вы думаете, мне холодно? Я дрожу, но это не от холода. Это первый — это конвульсивная дрожь! Я не думал о себе, я мог бы зарабатывать, если б хотел, но я был не в состоянии! Вот уже год — вот уже год, как я... (*Обрывает.*) Нет, это невозможно; должен же быть какой-нибудь конец!

Эрнестина. Какого конца вам еще надо? Все уже кончено.

Маури. Ах, нет, нет — это неправда, этого не может быть! Теперь, когда я ее разыскал!

Эрнестина. Но ведь я вам сказала, что теперь у нее есть дочь!

Маури. Вот это-то и есть главное! Да! Теперь мы посмотрим!

Эрнестина. Вы из-за этого и приехали? Какие у нас намерения?

Маури. Я приехал... я приехал... потому что у меня нет больше сил...

Эрнестина. Но я уверяю вас, что ей нет больше никакого дела до вас; она вся ушла в свою дочь!

Маури. Если вы говорите правду, то это огромное несчастье! Да, несчастье, тетя Эрнестина, потому что ведь я тоже существую! И вы существуете, дорогая тетушка Эрнестина, существуют еще и другие, и мы не можем уйти целиком, исключительно в нашу собственную жизнь. Но моя жизнь в ее жизни! Я не могу жить без нее...

Эрнестина. Но никто не обязан...

Маури. Насильно любить другого? Я знаю!.. Вот в этом-то и все горе! И тогда, тетушка Эрнестина, надо копаться с жизнью.

Эрнестина (*с ужасом*). Боже мой! Что вы хотите делать?

Маури. Не знаю, пока я здесь — вот уже год, как стараюсь привыкнуть жить без нее! Я вижу, что это невозможно!

В этот момент с веранды поспешно входят садовник.

Садовник. Синьорина, господа приехали, господа приехали!

Эрнестина (*к Маури*). Уходите, уходите, пожалуйста! Умоляю вас!

Маури. Я остаюсь.

Эрнестина (*садовнику*). Идите, Джованни, встречайте их!

Садовник бежит к двери справа.

Садовник. Иду, иду, синьорина. (*Уходит.*)

Эрнестина. Вы хотите устроить ей скандал при встрече с дочерью?

Маури. Нет, я буду говорить с ней, я скажу все!

Эрнестина. Вы сумасшедший! Умоляю вас — уходите!

Маури. Нет, я не уйду!

Эрнестина. Я обещаю вам, что я скажу ей про вас, подождите хотя бы до завтра!

Маури. Нет, я хочу говорить с ней сегодня вечером!
Эрнестина. Хорошо, пускай будет сегодня вечером! Но попозже, когда она будет одна.

Маури. Вы обещали мне это?

Эрнестина. Да, да, обещаю! Как вас зовут?

Маури. Марко Маури.

Эрнестина. Вот, вот, они уже идут! Уходите, уходите отсюда! *(Выпускает его через веранду в сад.)*

Из двери справа входят Бетта, и одновременно из двери слева Фульвия, в дорожном костюме, и Сильвио: за ними идет няня с ребенком в роскошном порт-бэбэ, закрытом розовой вуалью и одеялом.

Фульвия *(хочет броситься обнять тетку Эрнестину, но сейчас же сдерживается и протягивает ей только руку)*. О тетя! Дорогая синьорина Эрнестина! Как вы поживаете? Как ваше здоровье? *(Замечает, что Ливии нет.)* Вот я наконец и дома!

Бетта. С приездом, синьора! С приездом, синьор профессор!

Фульвия. Милая Бетта... Как вы поживаете? Все ли у нас благополучно дома? *(Няне.)* Садитесь, садитесь, пожалуйста... *(Подходит к ней вместе с Эрнестиной и Беттой.)* Все еще спит?

Няня садится, Фульвия поднимает вуаль и показывает на спящего ребенка.

Вот она, полюбуйтесь!

Бетта. Какая красавица!

Эрнестина. Ангелочек! Как она спит!

Бетта. Но как она похожа!.. *(Эрнестине.)* О, посмотрите, посмотрите, как она похожа на синьорину Ливию! Не правда ли?

Эрнестина. Да, да...

Фульвия *(к Сильвио)*. Что? Я тебе говорила...

Бетта. Совсем, совсем она!

Эрнестина. Да, да! Мне кажется, что я вижу Ливию. Я помню ее точь-в-точь такой!

Бетта. И я тоже.

Фульвия *(с неопределенной улыбкой, к Бетте)*. Ах, и вы тоже... Я-то, конечно, нет... Но мне тоже кажется, что она похожа на Ливию.

Сильвио. А где же Ливия?

Бетта (*смущенно*). Да... я была у нее...

Сильвио. Пойдите скажите ей, чтобы она спустилась вниз.

Бетта. Мне кажется, что...

Фульвия (*к Сильвио*). Оставь ее, боже мой!.. Если она не хочет...

Сильвио. Кто тебе сказал, что она не хочет?

Фульвия. Может быть, она нездорова?

Бетта. Она заперлась в своей комнате...

Фульвия. Что я тебе говорила... Мы ее увидим завтра.

Сильвио. Я сам пойду к ней.

Фульвия. Иди, если хочешь, но не заставляй ее приходить сюда.

Сильвио. Хорошо, хорошо... (*Уходит через вторую дверь справа.*)

Фульвия (*Бетте*). Бетта, проводите, пожалуйста, няню в детскую.

Бетта. Слушаюсь, синьора. (*Няне.*) Пойдемте.

Фульвия (*няне, которая проходит мимо нее*). Осторожно, прошу вас, не разбудите ее!

Бетта. Не беспокойтесь, синьора, будьте покойны! (*Уходит с няней через первую дверь справа.*)

Фульвия (*сейчас же целуя Эрнестину*). Ах, тетя Эрнестина! Ты видела! (*Намекает на ребенка.*) Как я счастлива!

Эрнестина (*стараясь отклонить ее поцелуй*). Нет, послушай, я должна...

Фульвия. Что случилось?

Эрнестина. Несчастье, несчастье!

Фульвия. Ливия? Опять! Ну, пусть делает что хочет!

Эрнестина. Нет... Тут один человек... приехал... Хочет видеть тебя!

Фульвия. Меня? Кто?

Эрнестина. Он сказал мне свое имя... Он там, в саду!

Фульвия. В саду? Здесь? Да кто же это? Так поздно!

Эрнестина. Он хочет говорить с тобой!

Фульвия. Он спрятался там, в саду?

Эрнестина. Это чужой! Он не хотел уходить, я обещала ему, что скажу тебе!

Фульвия. Но как же теперь быть?

Эрнестина. Немного поздно... Он уже здесь два дня!

Фульвия (*про себя*). Что это еще за сумасшедший?

Эрнестина. Да, да, сумасшедший. Он говорил мне, что ты из-за него...

Фульвия. Маури! Он сказал тебе, что он Маури?

Эрнестина. Да, кажется, что-то такое...

Фульвия. Чего же он хочет?

Эрнестина. Мне кажется, у него дурные намерения...

Фульвия. Против меня?

Эрнестина. Он говорит, что без тебя не может больше жить.

Фульвия. А еще что он говорил? Ты сказала ему, что у меня...

Эрнестина. Что у тебя ребенок? Да, да.

Фульвия. И что же он?

Эрнестина. Он говорит, что ему все равно!

Фульвия. Он сумасшедший! Ничего... не бойся, тетя Эрнестина!

Эрнестина. Но он там, и если...

Фульвия. Да, да! Он в самом деле может устроить скандал. Но как же он приехал? Откуда он узнал? Кто мог ему сказать?

Эрнестина. Но... Я ничего не поняла... Он говорил о каких-то кузнечиках, начал произносить какие-то речи... Я поняла только, что он хочет кончить.

Фульвия. А что еще?

Эрнестина. Я сказала ему, что все уже кончено... Он начал угрожать мне...

Фульвия. Довольно, довольно! Я боюсь только, чтобы Ливия... чтобы она не услышала... Но мне нельзя волноваться... я не могу волноваться... (*Радостно.*) Ты знаешь, я сама кормлю ее!

Из второй двери справа входит Сильвио.

А, Сильвио!

Сильвио. Она сказала, что сейчас придет.

Фульвия. Ливия? Зачем? Лучше было бы, если бы она оставалась у себя.

Сильвио. Нет, нет. Она должна прийти, хотя бы из уважения ко мне.

Фульвия. Ты заставил ее?

Сильвио. Я не могу допустить такого поведения! Она даже не хотела открыть мне! Но в конце концов обещала сойти вниз.

Фульвия (*Эрнестине*). Пойди, тетя Эрнестина, пойдди, скажи ей, чтобы она не приходила!

Сильвио. Но почему?

Фульвия. Потому что там в саду... этот Маури, знаешь?

Сильвио (*ошеломленный*). Здесь? Но каким образом?

Фульвия. Он, кажется, здесь уже несколько дней.

Эрнестина. Да, да! Он приходил, спрашивал...

Сильвио (*взволнованно*). И он говорил с Ливией?

Эрнестина. Нет, со мной.

Сильвио. Чего он хочет?

Фульвия. Того же, что и раньше, все тот же бред.

Сильвио. Как, все еще? Но как он разыскал нас?

Фульвия. Почему я знаю? Иди, иди, постарайся выпроводить его, пока не пришла Ливия!

Эрнестина. Не ходите один, не ходите один!

Сильвио (*пожимая плечами, уходит*). Что за глупости!

Эрнестина. Послушайте меня, пошлите лучше Джованни!

Фульвия (*сердясь*). Да перестань же, тетя! Они должны встретиться наедине... Ты только пугаешь...

Эрнестина. Он был в таком состоянии...

Фульвия. Ну, тогда лучше пойду я.

Эрнестина. Нет, нет! Только не ты!

Из второй двери справа входит Бетта.

Фульвия (*к Бетте*). Где Джованни?

Бетта. Я не знаю... Он, наверное, у себя дома, в саду.

Эрнестина. Ну хорошо, хорошо, если он там...

Бетта. Я не знаю, сипьора, должна ли я исполнить приказание сипьорины Ливии.

Фульвия. Какое приказание?

Бетта. Она приказала подать автомобиль.

Эрнестина. А, понимаю! Она хочет уехать! Она уже говорила мне!

Фульвия. Что? Уехать? Куда?

Бетта. Мне кажется, что она уже уложила вещи...

Фульвия. Куда? Не успела я приехать, как она собралась уезжать! Это, конечно, нарочно!

Эрнестина. Нет, моя милая, они тут уж давно составляют какие-то заговоры. *(Смотрит угрожающе на Бетту.)*

Бетта. Вы это говорите про меня, сипьорина?

Эрнестина. Да, да, про вас — тут еще замешан священник... Вас все куда-то посылают...

Фульвия. Но куда же она хочет ехать? Почему?

Бетта. Я не знаю, она мне только приказала...

Фульвия. При чем тут священник?..

Эрнестина. Вы и сегодня к нему ходили, вы пропадали больше четырех часов, не отшிரайтесь!

Фульвия *(возмущившись жестокой несправедливостью, прекращает разговор)*. Хорошо, довольно! Пусть она решает дело с отцом! А я пойду к моей девочке.

Фульвия собирается уходить через первую дверь справа, когда из второй двери справа входит Ливия, готовая к отъезду.

Фульвия *(останавливаясь)*. Что это такое, Ливия? Что за сумасбродство!

Ливия. Где мой отец?

Фульвия. Ты собралась ехать? Куда ты хочешь ехать?

Ливия. Это мое дело.

Фульвия. Ты говоришь серьезно? Но так поздно! И почему? Без всякой прищипы?

Ливия. Я знаю прищипу. И вы должны были бы ее зпать.

Фульвия *(пораженная тем, что она обращается к ней на «вы»)*. Ты мне говоришь «вы»! Хорошую встречу ты мне приготовила! Но что же, собственно говоря, случилось? Что это за причина, которую я должна знать?

Ливия. Я хочу говорить с моим отцом. Где он?

Фульвия. Неужели ты воображаешь, что твой отец позволит тебе уехать?

Ливия. Мой отец не имеет права держать меня здесь, рядом с вами!

Фульвия. Ты хочешь сказать: «рядом с тобой»?

Ливия. Нет, рядом с вами!

Фульвия (*смотрит на нее, сдерживаясь*). Ну что ж, говори, как тебе нравится. Но почему ты думаешь, что твой отец...

Ливия. Об этом я буду говорить с ним...

Фульвия. Да, конечно, говори с ним. Я устала... Ты даже не видела, как и с кем я присела... (*Хочет идти.*)

Ливия. Идите, идите! Тем лучше. Здесь теперь будет другая! Она будет для всех...

Фульвия (*у которой мелькнула надежда, что Ливия хочет уехать из ревности*). Ах, так вот ты из-за чего! Нет, Ливия, ты себе представить не можешь, какое огромное желание было у меня, когда я ехала сюда, прижать к сердцу тебя вместе с этой девочкой... (*Хочет обнять ее.*)

Ливия (*с отвращением отшатнулась от нее*). Нет, нет, оставьте меня! Покорно благодарю... Я не могу себя ставить рядом с этой...

Фульвия (*с нечеловеческим усилием стараясь овладеть собой, принимает оскорбление на себя, чтобы снять его с ребенка*). Это относится ко мне, Ливия? Так ведь? Ты не про ребенка?

Ливия. И к вам и к ней!

Фульвия. Нет, нет, ты можешь говорить про меня что хочешь, но ведь она твоя сестра!

Ливия. Она может сделаться моей сестрой, но сейчас — нет! Это неправда!

Фульвия. Как — неправда?

Ливия. Это неправда, потому что вы не жена моего отца!

Фульвия. Я не жена твоего отца? Тогда кто же я?

Ливия. Вы лучше меня знаете, кто вы такая!

Фульвия (*снова с проблеском надежды*). Так вот это что! Ты презираешь меня... но если только за это, Ливия... Я даже не знаю, как ты могла подумать!..

Ливия. Где ваше брачное свидетельство?

Ф у л ь в и я *(сначала к Эрнестине, потом к Ветте)*. Так вот он, заговор! Так вы вдвоем производили расследование! *(Указывает на Ветту и Ливию.)*

Л и в и я. Его у вас нет! Его у вас нет!

Ф у л ь в и я *(гордо прерывает ее)*. Нет, есть! Ты плохо искала! Оно есть!

Л и в и я. Слов мало, нужны доказательства!

Ф у л ь в и я. Умоляю тебя, Ливия, не заставляй меня говорить... из жалости к тебе самой... не ко мне... не доводи меня до этого. Умоляю тебя! Я правда так устала!

Л и в и я. Нет, нет надобности, чтобы вы говорили. Я удовлетворюсь этим.

Ф у л ь в и я. Чем ты удовлетворишься?

Л и в и я. Да этим признанием.

Ф у л ь в и я. Каким?

Л и в и я. Да тем, что вы скрываете из жалости ко мне! Правду, которую вы не смеете мне сказать!

Ф у л ь в и я. Да нет же! Я ничего не скрываю!

Л и в и я. Вы умоляли не заставлять вас говорить. Что? Что-нибудь касающееся меня?

Ф у л ь в и я. Нет, нет, это вовсе не касается тебя!

Л и в и я. Ну тогда что же? То, что касается вас?

Ф у л ь в и я. Да...

Л и в и я. Могу себе представить!

Ф у л ь в и я. Ты ничего не можешь себе представить! Ты не можешь себе этого представить! И это лучше. Говорю тебе, что это лучше для тебя! А теперь оставь меня в покое!

Л и в и я. Я оставлю вас в покое, потому что я уезжаю!

Ф у л ь в и я. Ты не можешь уехать, не должна!.. Я целый год выносила эту муку здесь, чтобы ты оставалась по крайней мере со своим отцом, если уж ты не хочешь оставаться со мной.

Ливия смотрит на нее со злобой.

(Сейчас же меняя тон.) Ну, не могла, хорошо, не могла, и я не принуждала тебя. Я старалась быть для тебя матерью, настоящей матерью, пока не увидела, что ты не хочешь отвечать на мою любовь, что она тебе неприятна, противна! Ну что же, теперь я ничего от тебя не хочу! Продолжай презирать меня! Но я законная жена твоего

отца. Я говорю тебе это не ради меня, а ради моего ребенка, которого ты должна любить, даже если не нравишься мне! Она, твоя сестра, такая же моя дочь, как и ты! Вы обе равны, и это ты должна понять сейчас, сию минуту! Никакой разницы между вами нет! Я не могу допустить, чтобы ты думала, что существует хоть малейшая разница между вами!

Л и в и я. Разница в матерях! Этого вы не можете отрицать!

Ф у л ь в и я (*теряя всякое самообладание*). Нет, и тут нет разницы!

Л и в и я (*холодно и с еще большей иронией*). Как? Даже и тут? Разве мы дочери одной матери?

Ф у л ь в и я. А кто же, ты думаешь, я? Что ты думаешь обо мне?

Л и в и я. Наверное, то, что вы считаете нужным скрывать от меня.

Ф у л ь в и я. И ты хочешь все это свалить на голову моей дочери? Ну уж нет!

Л и в и я. Моя мать...

Ф у л ь в и я. Твоя мать! Перестань, пожалуйста! Ты ее не знала!

Л и в и я. Да, я не знала ее, но я знаю, какой она была... И я знаю, кто вы такая!

Ф у л ь в и я. Кто я такая? (*Хватает ее за плечи и в порыве страшного гнева трясет ее.*) Что ты можешь знать? Да! Ты уверена в этом, и ты не хочешь выбить это из головы? И ты думаешь, что у моей дочери мать потаскушка? Да? Да? Ну, тогда знай же, что и ты дочь потаскушки!

Л и в и я (*подавленная, в ужасе*). Нет, нет!

Ф у л ь в и я. Да, да! Вы обе дочери одной матери! Я твоя мать! Да, я! Я! Понимаешь ты теперь! Тебя уверили, что я умерла? Но это ложь! Я вот тут перед тобой! Я твоя мать! И ты и она — вы обе мои и равные между собой! Я мать и твоя и ее! Никакой разницы! Никакой разницы! Ах, наконец я свободна! Наконец я дышу!

При этих словах с веранды вбегает в комнату Сильвио вместе с Маурин. Сильвио подхватывает на руки Ливию, которая падает без чувств.

С и л ь в и о (*прижимая Ливию к груди*). Ты убила ее!

Ф у л ь в и я. Твоя ложь убила ее! Ты хотел, чтобы эта ложь тяготела также и над другой и раздавила бы ее! Нет, нет!

С и л ь в и о. Но ты не можешь теперь здесь оставаться!

Ф у л ь в и я. Я уеду! Я уеду! Но не так, как раньше! Моя девочка! *(К Маури.)* Иди. Иди туда, принеси мою дочь. *(Показывает ему на первую дверь справа.)*

Маури бежит туда.

Моя девочка!

С и л ь в и о *(стараясь привести в чувство Ливию).* Ливия! Ливия!

Ф у л ь в и я *(которая подошла к двери направо, дрожа от нетерпения и ожидания, пока Маури принесет ей ребенка).* Что Ливия! На этот раз я уношу с собой мою Ливию! Скажи это ей, твоей, когда она придет в себя! Да, я унесла мою с собой, живую, и я тоже жива! Я ухожу в новую жизнь, к счастью!

З а н а в е с